

Владимир БАДИКОВ

И смех, и грех

Сборник рассказов I



Рассказы, предложенные Владимиром Бадиковым на предмет издания сборника, в большинстве своем ранее публиковались на страницах областных газет, звучали по областному радио. Несколько из них напечатаны в коллективной книжке молодых авторов.

Пчеловод по своей основной профессии Владимир Бадиков тонко чувствует родную природу. Не случайно в предлагаемой рукописи сразу привлекают внимание рассказы "На рыбалке", "Напугали", "Бурндучок и мухоловочка", "Чудище".

Попытка социальных типажей сделана в рассказах "Жисть поломатая", "Опохмелились", "Награда", "Шутник", "Экзамены", "Повар".

Мы не возьмем на себя смелость утверждать, что литературные работы В.Бадикова совершенны. Разумеется, как и всякое произведение, рассказы нуждаются в определенной стилистической и языковой редакции. Для издательской практики это явление обычное, житейское и несколько для автора не зазорное.

Думается, что молодой писатель, пробуя свой стиль в нелегком жанре рассказа, написал интересный, своеобразный сборник, который найдет своего читателя.

Виктор Соломатов
Член Союза писателей России

Биробиджан, 1996 г.

ЭКЗАМЕНЫ

"Эх, экзамены!" - может подумать любой человек и вспомнить бессонные ночи перед ними. Даже всезнающий, о котором говорят: "семь пядей во лбу", и тот нередко обливается холодным потом, не говоря уже о тех, кто учился на авось.

Итак, в одном сельскохозяйственном среднетехническом учебном заведении, что ковало доблестных специалистов для народного хозяйства, шли жаркие, если можно так сказать, экзамены.

Духота июня и нервное напряжение заставляли напрягать память так, что нередко некоторые экзаменуемые лишались дара речи, а другие даже падали без сознания.

Михаил Потапыч подглядывал в шпаргалки и как только мог выписывал из них ценнейшие данные. Делал он это, как разведчик, маскируясь, словно страус на бархане. При этом его зеленоватые глаза на большом красном лице по-воровски зыркали по сторонам и как на прицеле держали и приемную комиссию, и молоденькую строгую учительницу, которая переживала за сдающих, прохаживалась между экзаменующихся.

За соседними столами корпели такие же студенты-заочники. Один - директор совхоза, другой - директор фабрики, третий - управляющий крупной строительной организации, далее - сантехники. Одним словом те, кто имел партбилет, должность, но диплома какого-нибудь еще не было. Поэтому это учебное заведение умники прозвали академией, а окончивших - академиками с дипломами, но почему-то бычьими.

На доморощенных умников эти всемогущие мужи внимания не обращали, а учились годами, прогрызая граниты наук и нечестнейшим образом добывали себе "поплавки".

Годы учебы дали им многое: и отпуска дополнительные и оплачиваемые, и знакомства получше курортных, а главное - связи, без которых деловому человеку разве только в петлю.

Но не это в данный момент беспокоило Михаила Потапыча, а задание, которое он должен был решить без главного инженера и своей вертлявой секретарши. Он вздохнул и вспомнил, как учился. В мозгах прокрутилось все, кроме учебы.

Он взялся дальше списывать со шпаргалки, но как назло, пока думал, то отжевывал кусочек шпаргалки.

- И не подавился! - ругнул он себя.

А время неукоснительно двигалось к закату, впереди маячил прощальный банкет.

А тут еще директор совхоза, здоровый детина, спрятав в своих огромных кулачищах экзаменационный лист со шпаргалкой, что-то усердно писал и при этом пыхтел, не давая Михаилу Потапычу как следует сосредоточиться.

Но вот он наконец взял себя в руки, посмотрел по сторонам и с

присущим ему настырством стал доделывать недоделанное. Ему оставалось только перемножить, и он обрадовался, но тут же осекся. Таблицу умножения он не знал, так же как и китайские иероглифы. Машинально огляделся, как будто потерял очень ценное - свой партбилет. Предательский пот прошиб незадачливого Михаила Потапыча, затуманенный взгляд вдруг остановился на листочках для черновиков вместе с обложкой от тетради, с таблицей умножения. Он схватил обложку, как голодный ложку.

- Есть бог! Есть бог!

В ликующей душе студента все кричало и он быстро стал перемножать, надежда на благополучный исход экзаменов вернулась к нему.

Учительница, прохаживаясь между рядами, наблюдала за экзаменуемыми, переживала. Подошла она и к Михаилу Потаповичу, заглянула через плечо на его творчество и, увидев его за списыванием ответов с таблицы умножения, невольно заулыбалась.

Михаил Потапыч, закончив контрольную работу, довольный, увидел около себя учительницу, застукавшую его за творческой работой, смутился, как ребенок, укравший чью-то игрушку. Но потом заулыбался. Он знал, что теперь диплом, хоть и бычий, считай в его кармане, а там...

Свежий, теплый ветерок переносил живительные сладостные запахи тайги, что росла по отрогам бесконечных Дальневосточных хребтов. Но Михаилу Потапычу этого запаха было мало, поэтому он с наслаждением покурил свои любимые сигареты и думал о планах на будущее. Ему, сидящему одному на скамейке, в парке никто не мешал мечтать о том, как он поступит в институт и окончит его, а там и академично по боку пустит. Опыт есть, как учиться, а должности есть и будут, как в той песне поется. Все выше, и выше, и выше - вплоть до министра, или генерального секретаря.

1990 г.



НАГРАДА

Торжественный вечер, посвященный празднику 7 ноября, был в разгаре. Тут и выступление парторга с его зажигательной речью, тут и вручение наград за отличный труд передовикам производства.

Под бравурный "туш" подходили разволнованные люди и получали из рук директора причитающиеся им, кому знаки отличия, чем-то похожие на ордена, другим грамоты и денежные премии в конвертах, как в той сказке: этому дали, а этому не дали, тому, кто еще не заслужил.

А вот дядя Миша, жестянщик по профессии - все говорят, что у него золотые руки - за свой ударный труд получил знак "Отличник социалистического соревнования".

Когда директор торжественно прикреплял к его пиджаку эту награду и по его довольному лицу было видно, что такая процедура ему по сердцу.

Наконец-то, у дяди Миши заахла на груди еще одна награда, которая сразу же затерялась среди орденов и медалей, полученных за ратный подвиг на войне.

В зале, где проходило торжество, на стенах висели всевозможные плакаты и лозунги, и на одном кумачовым золотом было написано: "Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд". Дядя Миша, конечно, знал, что именно это касалось его.

Народ радостно хлопал награжденным, но вот торжественная часть закончилась, приезжие артисты на сцене стали давать праздничный концерт, а в буфете из крана бесконечно лилось, и красавица буфетчица, очаровав мужиков, наливала им в бокалы пенное пиво. Дядю Мишу угощали, от выпитого он вспотел и, довольный, заторопился домой. Радостное выражение лица показывало, что праздником и вечером он был доволен, а радостным настроением дядя Миша хотел быстрее поделиться с женой, которая его любила и поэтому народила ему шестерых детей.

Выйдя из клуба, он быстро, твердой походкой пошел домой, встречные люди, а в основном в этом маленьком городе все были знакомы друг другу, здоровались с ним.

Дядя Миша поднялся на второй этаж, открыл дверь. Из кухни аппетитно пахло жареным. Войдя, с порога громким голосом проговорил своей жене, которая занималась по хозяйству:

- Мать, а мать! Смотри, меня наградили!

Вышедшая на зов своего мужа женщина была высока, смугла и лицо ее к пятидесяти годам было привлекательное, хотя как сказать... Она посмотрела на своего, маленького росточка, суженного сверху вниз, потому что была выше его на голову и, возможно, чуть-чуть больше, но не это сейчас главное.

- Что тебе опять там дали? - с интересом спросила она. - Опять грамоту, которые и так все заполнили?

- Нет, мать, нет, - проговорил захмелевший от пива и водочки дядя Миша. - Вот, видишь, висит, - и он показал на знак, позвякивающий со всеми наградами на его геройской груди.

- А твоему напарнику, Баранову Толику, этому пацану, что-нибудь дали?

- Да, мать! Да! Это же мой ученик! Так ему денежную премию дали! - и он, бесхитростный, молодцеватый, с гордостью посмотрел на свою ненаглядную, которая вдруг стала вроде еще темнее. Ее глаза, как у разгневанной кошки, засветились. И в какое-то мгновение наш герой получил у порога пощечину. Его жена, эта здоровенная дылда, стала кричать:

- Всем денежные премии дают, а тебе, дураку, то грамоты, то

побрякушки! Детей делать горазд, а кормить? Награда..., да ты ими весь пиджак продырявил. Иди!!! Ты слышишь, иди и отдай своему пузатому директору эту побрякушку, а взамен возьми денежную премию. И скажи ему, чтобы больше тебя не позорил. Ох, как стыдно мне за тебя!

Раздосадованный героический дядя Миша выскочил из квартиры, как ошпаренный, а разъяренная жена вслед ему что-то выкрикивала.

- У, дубина, - думал дядя Миша. - На фронт бы ее, так она бы там натворила дел, у дивизии "Мертвая голова" только бы пятки сверкали. Тоже мне, "Капюша" пашлась, а как воет, как воет! Сколько живу - привыкнуть не могу. Шел и рассуждал он так, пока не вошел в клуб.

Директора он увидел в фойе, тот был окружен своей постоянной "свитой", в которую входили парторг, молодой человек, но уже лысеющий, профорг и остальные, с заискивающими, какими-то собачьими взглядами. Они смотрели в рот директору и на самую незначительную его реплику отвечали угодническим, вымученным смехом.

Подойдя к ним, дядя Миша обратился к директору и тем самым ввел всех в замешательство.

- Возьмите вот этот знак и замените его на денежную премию, - проговорил, а, вернее, пробубнил жестящик - золотые руки, обращаясь к директору.

- Вы...,

- Вы..., вы что, в своем уме? И как смеете?! Пьяный! Да вы награду Родины на деньги! Немедленно уходите домой, а после праздника разберемся! - и директор, разгневанный, повернулся к свите, произнес:

- Больше ему наград не давать, ишь, денег захотел.

Все осуждающе смотрели на мужика.

Дядя Миша, развернувшись, грустный двинулся назад, домой. Музыка и сам праздник его уже не радовали. А закончившийся эпизод из кинофильма "Чапаев": "Белые пришли - грабят, красные пришли - грабят, куда бедному крестьянину податься", был ему теперь более понятен.

1988 г.



КАЧАЯ ГОЛОВОЙ

Конец лета. Скрытые грибы затаились под первыми сырими пожелтевшими листьями, сбитыми частыми для этой поры дождями. Воздух в лесу, настоящий на лимоннике и других целебных растениях, был ароматен и чист. Солнце торопилось на покой, на пасеке пчелы возвращались домой, и гул от этого маленького государства витал в воздухе, лаская слух молодого пасечника, который ходил недалеко и собирал грибы. Мошка надоедливо роилась около его лица и рук, жирно смазанных мазью, незаметно проникала сквозь одежду и, ползая по телу, раздражала кожу, вызывая неприятный зуд. Собаки, преданные хозяину,

бегая рядом, вынюхивали влажную почву, но так как толк в грибах не понимали, то и особого усердия в тихой охоте не принимали, делали, словно артисты, умные подобострастные морды. Их влажные, умиленные глаза и виляющие хвосты - все это говорило о преданности, а поругивание пчеловода на мошку заставляло их заниматься непонятной работой с еще большим притворством.

Вдруг пасечник наткнулся на улик, утащенный с пасеки медведем. Осмотрев его и отряхнув от веток, собрал поломанные рамки, покачал головой. Он вспомнил, как принимал пасеку, усмехнулся, на душе теперь было спокойно, а тогда? Это было прошлой осенью, когда он вернулся из армии. Ему предлагали работу в городе, а он пошел на пасеку. Ему говорили: "Сашка, ты что старик, в тайге работать?" Но он пришел в совхоз, где до армии работал помощником пчеловода и пожелал принять самую дальнюю пасеку, брошенную бывшим пчеловодом, на которой из-за дальности и бездорожья не было желающих работать, хотели ее даже расформировать.

Новый директор совхоза Сашку еще не знал, он смотрел на него своими выпученными глазами, словно рыба, не мигая. При этом спрашивал: Неужели ты там будешь работать, не убежишь? Молодой человек без колебаний написал заявление на работу, и директор, вызвав бригадира, отправил их на тракторе принимать пасеку.

Когда они на следующий день приехали на место, то увидели своеобразную картину. Маленький снежок запорошил ульи, но он не смог спрятать того, что натворили хозяйничавшие на пасеке медведи.

Когда комиссия из тракториста, пчеловода и бригадира собирала и складировала материальные ценности, то многого не досчитались, что числилось по отчету, зато наваленные огромные кучи красноречивей всего говорили о том, куда все это девалось. Бригадир и не надеялся, что молодой паренек будет принимать этот "погром". Но Сашка принял оставшихся пчел и стал работать. Правда в этот первый сезон он меда много не собрал, до плана оставалось немного, но пчеловод решил естественные корма оставить, чтобы пчелы пошли в зиму сильные, а сахар оставил до весны. "На следующий год возьму", - подумал он.

Где-то вдалеке, за сопками, пролетел самолет, напоминая о цивилизации и людях, находящихся там. Но вот на смену самолетному звуку появился другой, наземный. Пчеловод прислушался и по шуму определил: приближался вездеход. Не набрав грибов и взвалив на себя улей, он направился на пасеку встречать гостей.

Звук постепенно усиливался, кто-то ехал в гости, а кто? Может геологи, какая-нибудь рыб- или охот-инспекция. Из совхоза он не ждал никого. В совхозе вездеходов не было, а на тракторе на его самую дальнюю пасеку по бездорожью лишней раз трястись охотников не было. Начальству сподручней посещать ближайшие пасеки. Так думал Сашка, подходя к дому. Вот вездеход близко; гул, цепляясь за увалы небольших сопки, эхом то усиливался, то угасал, но неотвратимо приближался.

Собаки, услышав приближение техники, заливаясь залаяли, то ли радуясь гостям, то ли злая на непрошенных гостей, кто его знает? Ведь у собак свое понимание о жизни.

Выводок рябчиков, располагавшийся у дороги, с шумом поднялся на крыло и испуганно полетел на сопку, густо заросшую дубняком.

Вездеход лихо выскочил из леса и подкатил к дому, рубленному из круляка, покрытого шифером, стоящего под сенью лип.

Засидевшиеся после дальней дороги люди, соскочили с машины, окруженной множеством паутов. Сашка подошел к приезжим, пригласил всех в хату. Шутки и смех наполнили тихую обитель, пропахшую приятными запахами пасеки. Приехавшие люди отчасти были знакомы ему. Механик, Никита Сергеевич Булкин больше всех суеился, а подойдя к хозяину пасеки, молодому пареньку лет двадцати с небольшим, сказал, что все останутся ночевать у него. Затем он машинально смахнул пот с лица и, улыбаясь, громко поговорил: "А теперь знакомься, Александр, я тебе высоких гостей привез. Вот товарищ из райкома, проверяет все пасеки совхоза, но начинает с твоей, самой дальней. Зовут его Евгений Петрович". Затем, чуть помедлив, с гордостью на выходе произнес: "Ну, а фамилия Дубманский тебе, я думаю, о чем-то говорит", - и его раскрасневшееся круглое лицо скривилось в подобострастной улыбке. Александр, небольшого роста, плечистый крепыш, подал руку для знакомства гостю, высокому ростом и положением, о чем говорил его вид и костюм с иголочки, галстук, депутатский значок и даже залысина над его начальственным с прямым носом лицом. Затем механик представил и второго гостя, но уже буднично проговорил: "Это Иван Иванович, весь лес тут под его началом. Решил тоже ознакомиться с пасеками и проверяет, в каком состоянии противопожарные полосы, заодно на поездку предоставил свой вездеход." Александр с любопытством молодого человека и с уважением пожал руку Ивану Ивановичу, который был в форменном костюме. Но не нашивки лесничего, а орденские планки и открытое, с добрым взглядом лицо, более располагало молодого затворника к этому человеку. "Ну а этих ты всех знаешь", - закончил Никита Сергеевич, указывая покровительственным жестом на приехавших с ним двух пчеловодов с соседних пасек.

Возбужденные, заинтересованные их лица показывали, что эта поездка была им таким же развлечением, как городским провинциальным жителям глядеть на приезжавший раз в десять лет зверинец. Они сидели на широкой некрашеной лавке, стоявшей у большого, на всю комнату, грубосколоченного стола, застеленного еще не старой, но во многих местах уже порезанной клеенкой, и глядели на церемонию взглядами первоклашек на первом уроке. Булкин всегда был на виду у высокого начальства, при этом его от гордости распирало, лицо потело, и из-под ресниц сытые, но всегда чего-то ищущие глазки, полное с выпирающим животом тело и весь вид его показывали, что он достоин в обществе большего. Чего греха таить, как в поговорке "Солдат стремится в генералы", он стремится

в большое начальство, благо, что у него уже имелся партбилет, осталось только заслужить протекже. Он думал: "Надо вовремя услужить, то есть лизнуть, и все воздастся сторицей, и потом уже перед ним будут слезить на ... словно псы, гордые умники". Вдруг он встrepенулся и, обращаясь к пчеловодам, приехавшим с ними, в повелительном тоне, с хрипотцой в голосе делового человека проговорил: "Мужики! Пока мы тут в рабочем порядке будем обсуждать дела, вы сходите на речку и на уху надергайте ленков, харьозов, а если попадется таймень, от него не отказывайтесь". И, заулыбавшись, с заискиванием в голосе продолжил: "Евгений Петрович, вы, наверное, давно не кушали царской рыбки, что водится здесь. Сейчас ребята наловят, правду я говорю?" - Посмотрел на собирающихся рыбаков с уверенностью. При этом вид у него был как у суетливой и хитрой в своих помыслах тещи.

Присхавшие пчеловоды, а с ними собрался и шофер с вездехода, взяв удочки, направились к речке, хозяйские псы увязались за ними. Пчеловоды, идя на речку, посмеивались над механиком Булкиным. Рассказывали вездеходчику о стремительном взлете этого прохвоста из шоферов в механики и парторги совхоза. Одним словом, он был без пяти минут директором.

- Ну что, Саша, пока ребята на рыбалке, угости нас медовушкой, а то перед рабочими им да и мне пить как-то неприлично, мы все же начальство, - проговорил Булкин молодому пчеловоду, словно хозяин работнику.

- Никита Сергеевич, сначала дело, а потом все остальное, - сказал повелительно райкомовский начальник. Булкин засопел обиженно, как ребенок, который знает, что будет по его и, не перечая старшим, отстаивая свою правоту, проговорил: "Ну что вы, Евгений Петрович, у вас дела, да дела, хоть здесь от дел отдохните. Да и сегодня уже поздно пчел смотреть. Правду я говорю?" - и он вопрошающе посмотрел на пасечника Александра, ища у него поддержку.

- А зачем их сейчас попусту тревожить. Стоят, да и пусть себе стоят на здоровье. Нажалить они сейчас могут добре, лучше это занятие оставить на завтра, когда половина пчел улетит за нектаром. А пока попейте хмельной квас. Правда директор иногда выливает его у пчеловодов, и, немного подумав, продолжил, - мне не нагорит за вас?

Гости, предвкушая угощение, заулыбались, а райкомовский начальник Евгений Петрович проговорил покровительственно: "Мы как снег на голову, но за пьянку строго спрашиваем на работе, а сейчас время отдыхать. Ты, Никита Сергеевич, на Сашу смотри не очень-то!" - и, обращаясь к хозяину, сказал: "Но ничего, мы тебя в обиду не дадим, Александр!" "Да я и не боюсь" - ответил пчеловод, улыбаясь, и продолжил с хитринкой в голосе развивать свою мысль дальше: "Вон, Леонид Ильич Брежнев разрешил Советскому народу пить культурно вино, водку, коньяки, ром и даже бормотуху, а тут на пасеке этого всего нет, а есть медовуха и значит ее будем культурно пить".

- Итак... Никита Сергеевич, - проговорил пчеловод, - идите сюда, к окну, - он указал рукой на кусты, что росли недалеко от домика и проговорил: "Вон под тем кустом стоит хмельной квас. Возьмите ковш, наберите, а я, пока вы будете ходить, закусу на стол поставлю."

Солнце катилось к закату, из-за сопок его уже не видно было, но противоположные склоны еще были освещены. Изумрудная долина с золотистым оттенком. Голубой небосклон, синев, темнел на востоке и божественным сиянием сверкал на западе, показывая всю красоту природы, чистоту воздуха. Всевозможные жители леса, наполняя голосами, выдавали звонкость воздуха.

Механик подошел к бачку с медовухой, открыл крышку, запах зелья ударил в нос. Опушенный в жидкость ковшик поднял маленькую пену и будто что-то живое зашипело недобро изнутри, словно из зева.

Никита Сергеевич слотнул слюну и осторожно достал жидкость, которая для него так приятно пахла, что он не сдержался и, пригубивши ковшик, с жадностью жаждущего человека, отпил, как ему показалось, немножко.

А в это время за ним в окно наблюдали и над ним посмеивались Евгений Петрович и Иван Иванович, при этом говорили: "Ну и Никита. Сейчас налижется сначала сам, а потом, что останется, то нам".

Пчеловод Сашка, колдуя у кастрюль, услышав их возгласы, проговорил, успокаивая их: "Не бойтесь, там ушится всем хватит". Понемножку выпив и закусив, гости за разговорами незаметно добрались до анекдотов. Наперебой рассказывали последние, благо, что их ходило в паре премоножество, как когда-то басен.

Радиоприемник, включенный на программу "Маяк", изливал в честь строителей Байкало-Амурской магистрали здравицу с речью дорогого и любимого. Леонид Ильич Брежнев читал с большим трудом речь и когда останавливался, то "ему аплодировал зал", как говорил диктор, с воодушевлением. Но народ воспринимал эти частые, какие-то вымученные выступления Генсека иронически, а запрограммированные "спектакли" из Дворца Съездов плодили множество анекдотов. Но, как ни странно, эти "спектакли" под руководством кремлевских "мудрых" старцев делали участниками всех в огромной стране.

Зажженная керосиновая лампа освещала стены со множеством плакатов, на которых обязательно присутствовал Ленин. Это делало застолье как бы многолюдней и торжественней.

Сумерки, мошка и шум с пасеки заставили рыбаков прекратить ловлю. Пойманные увесистые ленки и перламутровые харюза были наградой им. Поспешая на пасеку, рыбаки незлобно переругивались, когда спотыкались о кочки, и посмеивались друг над другом.

Войдя в дом, они увидели застолье в полном разгаре, бак с медовухой стоял у стола и механик в очередной раз толкал туда ковшик.

Прекратив враз разговоры, начальство вышло из-за стола, поднялся даже с табуретки уже полупьяный Никита Сергеевич и исподлобья

смотрел в таз. Затем они стали хвалить рыбаков и, взяв в руки, восхищались размерами и красотой рыбы, а механик, икая, проговорил: "Рыба жареная лучше и пожарить ее надо немедленно, чтобы отведал ее Евгений Петрович". Когда он говорил, лицо его приняло такую гримасу самодовольства, и в этот момент он себя так показывал перед гостем, что, пожалуй, позавидовали бы все холуи страны, вместе взятые, которые превозносили там в Кремле дорогого и любимого Леонида Ильича.

- "Ладно, я ее пожарю, - проговорил Александр - А теперь налейте рыбакам по стопочке". Все засуетились и расселись за столь гостеприимный стол.

Кот здоровенный, хозяйский, до этого лежавший за печкой, молча наблюдавший за происходящим, как только увидел, что на рыбу никто внимания не обращает, молча подошел к табуретке, на которой стоял таз с рыбой и тихо запустил лапу, воткнул когти в самого большого ленка и потащил лакомую добычу. Тазик с грохотом опрокинулся, кот, испугавшись, бросил рыбку и юркнул в спасительную дыру, что вела в подполье. "Тыфу ты, и закусить спокойно не дает - чуть не подавился", - проговорил пчеловод, вышел из-за стола, собрал рыбу, помыл, стал чистить.

Собаки на дворе лаяли время от времени на ночных птиц и зверей, которые то ли с испугу, то ли от жизни своей издавали всевозможные пронзительные звуки. Луна время от времени пряталась в облаках; закатая в булыжных берегах речка ночью явственней шумела, то чуть затихая, то с силой бурля, словно сварливая жена на спокойного мужа. Но только вся эта ночная идиллия не тревожила находившихся в доме. А к чему это им, у них за столом были другие разговоры, к тому же не пустячные.

Пока жарилась рыба, спор то разгорался, то затихал, но не прекращался даже тогда, когда уже ели. А все началось с того, что Дубманский Евгений Петрович - этот большой райкомовский начальник - поехал по пасекам, и как сказал публике: "Меня направила партия для того, чтобы на месте определить, сколько меда еще надо откачать для выполнения и даже перевыполнения плана. Для этого мы решили, что дадим пчеловодам сколько угодно сахара для пчел, но взамен надо откачать мед". Но пчеловоды почему-то от дешевого сахара отказывались, спорили. Особенно усердствовал Сашка, молодой и горячий в суждениях, и спор в основном происходил между Дубманским и им. Из избы доносилось: "Зачем осенью качать мед, а пчелам что?" - это говорил хозяин. "Меня партия направила, - продолжал с упорством дятла, словно долбил, райкомовец и настойчиво доказывал - Надо, чтобы вы сдали мед для выполнения плана. Я по району мотаюсь, даже зеленые помидоры заготавливаем, потому что это надо". "Но пчелы не помидоры, - возразил ему пчеловод, - Это одно, а другое: мед делает пчел, а пчелы делают мед - так говорили мне в училище, а о сахаре там ни гу-гу. Это одна заповедь, другая заключается в том, что надо сначала сделать сильную пасеку на первый год (что я и делаю), а на второй год только с сильной пчелой

брать больше меда и лишь тогда выполнять и перевыполнять планы". Чуть помедлив, Сашка резко выговорил: "Я сюда пришел зарабатывать, а не прорабатывать". На что райкомовец сказал: "Но в случае чего тебе поможет государство". Сашка, засмеявшись, едко ответил: "Я знаю, что при Никитке обобрали народ до нитки, но власть перешла к Брежневу, и все у нас осталось по-прежнему". "Ну уж это слишком, вы очень разговорчивы, молодой человек, смотрите ...!!!" - Евгений Петрович посмотрел на пчеловода, как на преступника. А Сашка уже со злобством говорил: "А чего мне бояться - тюрьмы? Так я сам себя заточил не хуже каторги, а будете настаивать и командовать - уйду и сдам тем медведям, у которых ее принимал по осени в том году. Они, эти хозяева, после этой работы из 200 пчелосемей мне оставили 123 и те еле живые! В этом году я их восстановил, нарастил. И я качать мед не буду! Но если качать, то только головой. И стал качать Сашка в разные стороны своей головой, чем и привел в восторг соседей, и они стали смеяться. Спор за столом о меде был в самом разгаре, когда Иван Иванович сказал: "Да хватит вам одно по одному ..., давайте лучше выпьем да закусим, да спать будем, утро вечера мудренее, может в ульях нуль, а вы спорите!" Сашка разлил по кружкам медовуху, пьяный механик вдруг дернул резко кружку и пролил, брызги веером окатили всех. Евгений Петрович и так недоволен, а здесь медовуха попала ему на рубашку. Он с досадой приказал механику, чтобы тот шел спать немедленно. Тот, глядя бессмысленно на окружающих, икал, и его подхватили под руки пчеловоды и потащили на сеновал спать, ругаясь при этом на тяжелую ношу, которая повисла у них на руках и не хотела идти.

Сашка где-то слышал, что у нас до войны было двенадцать республик, потом вроде стало шестнадцать, и все запутано. И он спросил снова о республиках у всезнающего Евгения Петровича, к тому же он оказался коренным дальневосточником, что в глазах публики его возвышало.

- До войны, то до войны, - чуть помедлив, стал говорить он, - к нам в союзные республики пришли после войны Чехословакия, Польша и другие, поэтому мы сейчас сильные.

- Что? - Сашка подумал, что ослышался. - Так сколько у нас сейчас республик, сколько? Сколько и какие?

Большой райкомовский начальник, подумав, сказал утвердительно: "Восемнадцать". А про себя подумал: "Иди, пчеловодишко, посчитай. Сказал - восемнадцать, так и будет восемнадцать". И глаза его вспыхнули злобой.

Дотошный Сашка пришел недавно из армии и по политике имел "отлично", поэтому прекрасно знал, что союзных республик сейчас насчитывается пятнадцать. Поэтому он с ехидством, присущим ему, спросил Евгения Петровича Дубманского: "Это что, у вас в райкоме столько насчитали? Дайте мне деньги бумажные - можно мелочь, или пятак". Пчеловод с соседней пасеки достал пятак и подал его Сашке, словно

фокуснику, ожидая при этом что за фокус выкинет тот, от ожидания даже открыл рот. Парень взял пятак, немного налив на него медовухи, почистил и сказал: "Вот смотрите, тут нарисован герб, а на гербе по краям по семь ленточек и внизу самая большая ленточка. Это РСФСР и есть пятнадцатая. На пачке столичных сигарет пятнадцать звездочек и так далее, поэтому в СССР имеется пятнадцать союзных республик. Это во-первых, а во-вторых, вы приехали мед выколачивать и, не зная своей работы, лезете в чужую. Как говорится: не зная броду, лезете в воду. Итак, я вам окончательно говорю: мед качать не буду, потому что пчелы на нем перезимуют и сильные будут. Сейчас спать пора, я пошел на чердак, а вы, если хотите - пейте, вот постели, спите".

Утро подкралось незаметно, на смену путающим ночным звукам пришли новые, жизнерадостные. Из обитателей леса, кто за ночь остался жить, тот по-своему воздавал хвалу богу. Лишь медведь, всю ночь ходивший у пасеки, не решался утащить улей, так как шум из дома не прекращался до утра. Он нехотя отправился отдыхать к утихшей на день речке, в облюбованную прохладную чащобу.

Темпераментные пчелы, вылетев из ульев, кружили в воздухе хороводы, гул маленького государства приятно ласкал слух. Пчеловод встал раньше всех, но будить не стал никого. "Пусть проснутся, - подумал он. Водитель вездехода встал рано, как все заядлые рыбаки, прихватил удочку и молча утонул с собаками на речку.

Солнце уже было высоко, когда проснулись все. "Ребята, давайте умойтесь, да поешьте, чайку попейте, а кто хочет - похмелитесь". Евгений Петрович Дубманский подозвал к себе механика и, отойдя немного, стал ему что-то доказывать. При этом он здорово махал руками, словно хотел взлететь, от этого у Никиты Сергеевича голова наклонялась все ниже и ниже, как у нашкодившего и пойманного за ухо шалуна.

Затем красный, как рак, механик подошел к пчеловоду.

- Ты что там ему наговорил? Он злой, как собака, даже похмелиться не хочет, и мне не удобно. Ты знаешь, он настаивает на просмотре ульев, мед в них есть?

- Да, - ответил ему Сашка.

- Так вот, - продолжил механик, - скажи ему, что ты будешь качать мед, а там погода испортилась. Одним словом, причин много. Смотри, а то райкомовец не только мне из-за тебя, дурака, покою не даст, а и директору, зоотехнику и бригадиру, которые с нами специально не поехали. Чего доброго, он может и послать всю контору мед качать.

Сашка, повеселев, ответил: "А я что-то и не подумал как сделать, чтобы волки были сыты и овцы целы. Ладно, будет по-твоему".

- У тебя мед еще есть? - спросил Никита Сергеевич, - Нужно Дубманскому налить бидончик, который он с собой прихватил".

- А, может, ему лучше насыпать сахару, как он хочет пчелам, которые изработаются на нем, а зимой дуба дадут, - проговорил Сашка, усмехаясь. Механик с досадой ответил: "Хватит тебе издеваться, мне не

до смеха". Но пчеловод повел Никиту Сергеевича и сказал ему: "Иди за его бидончиком и лесничему надо налить - мужик отличный, и вездеходчика не забудь, пусть дадут посуду, а ты потом ион туда в кусты подойди, я скажу ребятам, чтобы тебе похмелиться фляжку утащили. В случае чего, в дорогу возьмишь, чтобы не скучно было и райкомовца угости, чтобы меньше на тебя рычал. Только потом ее верни, она еще мне пригодится".

Пчеловод пошел в омшаник, механик, взяв канистры за ним. Налив из фляги густого янтарного запашистого меда начальству, пчеловод сказал: "Вон видишь? Божья тварь усердно им наносила медку, а с нее норовят еще три шкуры, которые она не имеет, снять".

Гости, умывшись, повеселели. Для кого кипиченный чай с медом был похмелем, а кому и медовушки по кружке - все были довольны.

Евгений Петрович, вышедший из-за стола, и Никита Сергеевич были приглашены пчеловодом на просмотр пчел.

Просмотрев с десяток ульев, они видели, что меда много, на что пчеловод говорил: "Это не мед, это корма, запасенные ими на долгую и холодную зиму". Но на то и был Дубманский непреклонный, со знанием дела, и не только дела, сколько долга, возложенного на него партией. Он принялся доказывать свою правду, которая не поддавалась чьему-либо возражению. Этот начальник был хозяином положения, и ничего, что он в политике толком не разбирается, но он твердо верит, он за коммунизм, он за партию, которой служит и является олицетворением ее.

Пчеловод, из свободных в какой-то мере тружеников, которому какое-либо начальство, не говоря о партийном, по его соображению - плеяда дармоедов, живущих за его счет. Но в этом положении для сохранения пасеки он выпущен по совету механика, трезво оценив обстановку, согласиться и не перечить. Как сказал механик: "Сейчас надо угодить, чтобы хоть сносно жить, надо уметь подстраиваться".

Болтовня и чинопочитание вошли во все сферы жизни, и только пьяные застолья по поводу и без повода отдалают людей от реальной жизни без будущего, как у старцев, что гундосят с трибун, доживая свой век хорошо сыгранных клоунов с толпами жаждущих хорошей жизни при коммунизме одурченных людей.

Прошел год. Та же пасека. В доме за столом, за разложенными документами сидели пчеловод и бригадир. Они делали осеннюю ревизию. "Феликс" трещал, беспрестанно позванивая колокольчиком. Помощник пчеловода с удовлетворением наблюдал за диковинной машинкой и сокрушался - до чего техника дошла к середине семидесятых годов. Бригадир считал и считал, документы подшивались один к одному.

"Да..., пасека твоя, Сашка, в передовых, ты намного всех обставил. У тебя выходит по центнеру со 157 пчелосемей, а у соседей, да и по совхозу еле в план входим".

Сашка, посмотрев на бригадира, ответил ему: "А ты на это скажи спасибо Дубманскому Евгению Петровичу и всему райкому, они по осени заставили мед качать. Кто качнул, а качнули почти все, без пчел

остались или ослабили их так, что к осени те только силу набрали, так что виновник - в райкоме. А я на Дубманского положил, мед осенью не трогал, вот и результат".

- Говоришь Дубманский в райкоме? Бери выше, он уже в облисполкоме сельхозотделом командует. А в райком Булкина забрали, он не старый, так что у него все впереди. - проговорил бригадир.

И опять заработал "Феликс", и уже Сашка задумался: "Во, дела, сидишь тут и не знаешь".

Их лучше бы и не знать, не было бы этих никчемных начальников, меда больше было бы, да что меда, произвольно, в такт мыслям, задумчиво качал головой пчеловод и думал: "Куда катимся?".

1977 г.



ШУТНИК

Случилось это с моим другом Сеней, у которого нос, как у орла; глаза, как у рака, на выкате; сам худой - кожа да кости; да еще курит сигареты без фильтра.

Вот его и не пускала жена на охоту и грозила, что уйдет от него. На то и Сеня, мужик сам себе на уме, не только своей бабе, а еще и кое-кому мог хорошо сделать. Так что ее слова он принял за шутку, потому что сам любил хорошо пошутить. Но по приезде с охоты, к несчастью, а может быть, и к счастью, он явился пустой, злой, голодный и вдобавок ни жены, ни детей, а главное - не наварено. И записка, а в ней: "Ты мне не муж, ищи другую, иди к своим ..., где был". И в таком роде, а в конце: "Я у своих родителей".

Сеня облегченно вздохнул. "Слава богу", - подумал он. "Хоть во всесоюзный розыск подавать на беглецов не надо".

Недолго думая, завел уазик и поехал за семьей к тестю с тещей, людям не очень-то приветливым иногда, но что поделаешь, когда семью возвращать надо. Подъехав к дому родственников, вышел из машины, открыл калитку, пес с радостным лаем встретил его. Поднявшись по скрипучим деревянным ступенькам на крыльцо, он стал открывать дверь на себя, но что это? Она была закрыта изнутри. "Безобразие!" - подумал он. И стал стучать вежливо так, чтобы ему открыли. Но через дверь теща сказала: "Слышишь? Катись туда, откуда приехал. Кто охотится и рыбу удит - тот не хозяин, у него никогда ничего не будет". На то и Сеня, чтобы слушать и делать по-своему. Он сказал с веселой ноткой в голосе: "Хорошо, я скоро приеду снова, но если жена и дети не поедут домой, то я чего-нибудь устрою, а точнее выкурю вас из этой халупы, как медведя с дупла. Вот тогда по-другому запоете. Поехал Сеня к колонке с водой, что была на соседней улице и налил в канистру из-под бензина воды, приехал обратно. Двери ему никто не открыл и не собирался открывать.

- Хорошо! - сказал Сеня и подпер их ломом. Затем стал обливать зачем-то водой из канистры окна и закрывать ставни. Правда, о том, что в канистре вода, он никому не сказал, могли бы сами додуматься. Неужели бы он стал палить дом дорогих родных, да к тому же жену с родными детьми. Нет, конечно, он же не фашист, он просто шутник и желал повеселить несговорчивых родственников. Сеня думал, что все ставни закроет, а лом от дверей уберет и дети с женой сами к нему кинутся. Но тесть не стал дожидаться почему-то конца эксперимента, он был серьезным человеком и в глупые шутки не верил. Поэтому он поднял большую лавку и протаранил ею не облитое еще и не закрытое ставнями окно, только стекла зазвенели, а сам пулей вылетел в него. При этом он, решительный, как молодой, словно за ним гнались, дал стрелка к соседу, у которого имелся телефон.

Что тут было? Откуда то изылись пожарники и милиция, и толпа свидетелей. Сеня всего этого дожидаться не стал, он успел забрать детей и жену через окно, а теща еще вслед кричала не ему, а дочке:

- В следующий раз не ищи пристанища у родителей, имея такого мужа - шутника!

1995 г.



ПЕТУХИ

Время такое, что зарплату дают даже хреном, что растет в изобилии в совхозе "Сорок лет неурожая", правда, бывшем, ныне, после переименования стали называться "ОПРСТ" Хреновое. То есть, все поля хреном поросли. Так вот разве до шуток, когда человек работает, а ему вместо денег черт знает что дают. Хочешь - бери, не хочешь - сиди при своих интересах, то есть вообще голодный.

Правда, повезло банковским служащим, им зарплату деньгами дают.

Один мужик, работая на птицеферме, получил свою зарплату, мешок, нет, не деньгами, а как в сказке - петухами. Петухов, если выгодно продать, то можно навариться, то есть разбогатеть.

Но как тут разбогатеть, когда понавезли из-за моря-океана курицыных окороков. Мужик туда-сюда, все морды воротят, вроде как сытые. Им подавай ошипанных и подешевле. Подумал мужик, скинул цену до бутылки и стал распределять эту живность по соседям, некоторые с охотой стали брать. Торг пошел, лед тронулся, соседка Фира тоже купила петуха. Только она сама его не могла зарезать, а поэтому попросила соседка Гошку. Тот постоянно сидел за драки, так что крови не боялся, петухам головы мог сворачивать. Гошка охотно взялся за эту работу, другие ему не нравились.

Пока сосед с птицефермы бегал за очередным петухом, Гошка

принялся за дело, благо клиентура в нем нуждалась. Выйдя на улицу с тазиком, петухом и инструментами, то есть ножом и топором, он в миг ока отделил голову от туловища первому петуху. Пар поплыл в холодное небо, теплые брызги крови бусинками окропили снег. Но тут откуда ни возьмись подъехала милицейская машина, из нее выпрыгнули натренированные на бандитов милиционеры. Они приказали, чтобы парень не брыкался и по хорошему с тазиком и петухом садился в их машину и ехал вместе с ними на разборку в милицию.

На это Гоша не рассчитывал и сказал: "Петух не мой, вон в квартире живет тетя Фира. Это ее. Она меня попросила его грохнуть, что я и сделал, как видите". Милиционеры туда, сюда, а тети Фиры и след простыл, как сквозь землю провалилась. И тут с живым петухом на свежий студеный воздух вышел сам продавец. Гоша в свидетели призвал его. Но и того тоже загребли дотошные Шерлоки и Холмсы, и аккуратно подсадили обоих, и с петухами в машину на бронированные уже для них места. По приезде в дежурную часть милиции удачливых новоявленных бизнесменов доставили нижние чины к высшим чинам до выяснения кражи или как там еще - незаконного сбыта ворованного. У Гоши в руках, точнее в тазике лежал петух, а у продавца - живой петух, который старался высвободиться, поэтому своим "добром" умудрился отделать парадный костюм так, что даже куры посмеялись бы. Вскоре появился молодой капитан милиции и сразу же спросил из любопытства, наверное.

- Где взяли? Ведь в городе, не говоря уже о деревне, такую скотину с начала перестройки всю поели. Корма ведь дорогие. Каждое перышко золотым стало, а о яичках и говорить нечего.

Мужики немножко даже ошалели от такого вступления, откуда им знать о живности, которая была из золота, а они ее за бутылки толкали! Их аж пот прошиб, и они подумали от таких деяний: "Во как пролетели, что значит конъюнктуру рынка не знали!" И поэтому они, невольно задумавшись, промолчали. На это вежливо так им капитан сказал: "Вы что, как немые, позатыкались, языки от курятины попроглатывали?" Глаза его с большим интересом при этом, с прищуром глядели на покрасневших, словно из бани, коммерсантов.

Но Гоша, словно проснувшись, парировал тираду капитана, со злостью сказал: "Вы видели, чтобы в милиции кто-нибудь зря базарил или даже кукарекал, тут наседки и те себя тихо ведут."

Петух, приревнившись в руках мужика, сидел уже тихо и глядел на капитана милиции одним глазом, словно приценивался, чего тот стоит? А мужика с живым петухом в руках словно прорвало, и он, еще трезвый и поэтому долго молчавший, вдруг как заорет:

- Ты! Вы! Немедленно звоните на птицеферму и тебе скажут, что зарплату мне выдали вот этим золотом, то есть петухами, а вам его я не отдам! Желаете такую же зарплату иметь - идите работать на птицеферму. А я человек честный, произволов не потерплю, прокурора

требовать буду за такое безобразие. И помните: мне скоро не пенсию, а такое унижение вижу впервые!

Пот градом тек с мужика, словно он выскочил из парилки. От ярости его глаза сверкали и он готов был на все, но особенно зод был на то, что связался с петухами.

Капитан, видя такой оборот дела, попросил мужиков успокоиться, быстро связался с птицефермой и, удостоверившись в своей неправоте, по-своему отчитал рьяных служивых.

Затем приказал им отвести честных людей туда, откуда их взяли. Когда приехали домой у продавца отпала охота продавать петухов по дешевке и он Гоше еще в машине сказал: "Приедем домой, остальным головы порубим, а то ну их к бабаю. И вот Гоша с тазиком и ведром сошел, словно космонавт, на родную землю. За ним мрачный, всегда молчаливый хозяин со своим хозяйством, то есть с живым еще петухом.

Гоша злой, как побитая собака, не останавливаясь, направился после столь непредусмотрительного круиза сразу к тете Фире. Та Гошу уже ждала, поэтому она не знала, как лучше его встретить. Но парень, войдя в квартиру, с порога грубо ее спросил: "Ты где старая была, когда менты меня с твоим петухом крутили? Что, не могла меня, старая, отмазать? Ты же дома была? Почему им не открыла? Это уже не твой петух? Так я, это, за него там отмазался и забираю его с собой, или как?" И он выжидательно посмотрел на старушеницу. Та в свое оправдание испуганно ответила: "Гоша, а я-то подумала, что этот уже петух украден, я всегда боюсь милиции, поэтому и закрылась. Но я вижу, что все хорошо получилось, тебя же отпустили с моим петухом. Ты что еще долго будешь злиться на старую женщину? Возьми на бутылку, иди и успокойся. Тебе что? Ты милицию не боишься, ты герой!" Гоша взял деньги, любезно предоставленные ему на дело и покинул столь гостеприимную квартиру.

1996 г.



БУРУНДУЧОК И МУХОЛОВОЧКА

Дальневосточное лето было в разгаре, подошла пора качать мед с липы. Меня, а также еще нескольких человек пригласил на откачку меда молодой и еще полный надежд пчеловод, с которым на пасеке находились сынишка с племянником. На мальчишек постоянно покрикивала его жена-толстушка.

После пыльного города природа обворожила, была девственна и величава в своей красе. Под раскидистыми и цветущими липами мы отдыхали. Заполненный ароматом от цветущих растений воздух и гул пчел действовал целебно. Бабочки, словно живые цветы, хороводились в голубом прозрачном воздухе, насекомые и жучки летали и стрекотали, а множество птичек порхало по веткам, выискивая жирных гусениц. Бурундуки с поднятыми ершистыми хвостиками то тут, то там мелькали в траве, вставали на задние лапки, словно маленькие гномики. При этом они держали в передних лапках, словно в махоньких ручках, какой-либо корм и быстро напихивали им рот, который затем раздувал им щеки. Они были интересны, эти полосатые животные.

А один смелый бурундучок всегда находился вблизи людей. Любил он пробегать под ногами людей и своим поведением приводил в восторг детей. Этот зверек собирал крошки на кухне и созревшие семена с трав с полным ртом время от времени убегал в свою норку, которую никому и никогда не показывал. А в ней он запасаал корм на долгую, продолговатую зиму, как хозяйственный человек. Он был не только работящий, но и любопытный. И я, наблюдая за ним исподволь, непроизвольно изучил его.

Вот он забрался на умывальник и посмотрел на себя в зеркало. Мыло попробовал на зуб. Прокусил тубик с зубной пастой, потерял передними лапками.

Но самое интересное приключение с ним получилось однажды. В то утро на летней кухне хозяйка на печке томила вкусный борщ и дожаривала аппетитные блинчики.

Яркое солнце, цепляясь за макушки деревьев, начинало припекать влажную от росы траву, поднимая при этом прозрачный туманчик. Совы - большие ночные птицы, привлеченные мелкими грызунами, которые водились в большом количестве возле пасеки, еще сидели на ближайших деревьях. Вот тогда и вышел на промысел наш знакомый бурундучок. Кто умывался, кто просто сидел у кухни на лавке и вдыхал аппетитные запахи, шедшие от потрескивающей печки и заодно любовался окружающей природой. Увидев знакомого, все стали шутить, и шутя стали звать его "маленьким тигром" за его полосатую шкуру, по цвету похожую на тигриную. А бурундучок, бегая туда-сюда, вдруг забрался на старый замшелый омшаник и юркнул под стреху. На чердаке, на старом омшанике, в укромном месте свила свое гнездо маленькая птичка, мухоловочка. Она была даже чуть меньше воробья и бурундуков, наверное,

боялась очень здорово, потому что они были из породы тигриной. Сами бурундуки были в три раза больше этих птичек и при этом сильнее, - так думали люди, но особенно их дети.

Вдруг маленький Виталька, сын пчеловода, как закричал: "Мама! Мама! Бурундочек птичку катает!". И пальчиком стал показывать в сторону старого омшаника.

Бурундучок выскочил из-под крыши, как ужаленный, а на нем восседала маленькая птичка - мухоловочка. Она клевала этого "маленького тигра" по головке и туловищу своим клювиком, словно шильцем проверяла его шкурку на прочность. А он, вроде и смелый, бежал как трусливая букашка-таракашка. Дети, глядя на это представление, смеялись громко и восторженно, потому что птичка до смерти бурундучка не заклевала бы, а проучить его взялась. Да так интересно. Взрослые тоже улыбались и поговаривали: "Вот те на, кто бы мог подумать, что из "маленького тигра" "маленький петух" будет вышибать дух".

А бурундучку было не до смеха. Он, как махонькая лошадка, бежит, брыкается, скинет с себя седока, то есть птичку, остановится отдохнуть, а мухоловочка тут как тут и с налета бьет его, бьет. Бурундучок, перепуганный, бежит дальше, и так несколько раз была его разъяренная мухоловочка. Потом наш герой в свою норку юркнул и тем самым показал мухоловочке, где он живет.

Но мухоловочка не такая проказница, как бурундучок, который хотел полакомиться ее яичками. Ей чужого не надо, но и своего она не отдаст. Мухоловочка свое гнездышко защищала и не страшны ей враги, в какие бы шкуры они не рядились, какими бы сильными они не казались.

1992 г.



КОРОВА В АВТОБУСЕ

Н.С.Хрущев пообещал советскому народу, что через двадцать лет, а именно в 1980 году, будет построен коммунизм. А пока одни уже жили при коммунизме, вторые надеялись на лучшую жизнь, третьи жили, чтобы просто жить.

Но прогресс наступал, и все видели, что на смену "полуторкам" и "ЗИС-5" приходят новые машины: "ГАЗы", чадающие солянками, сильные "МАЗы", "Победы" сменяются "Волгами", даже между городами и районными центрами были пущены вместо "грузтакси" с брезентовым верхом на кузове, автобусы. Маленькие, с одной боковой дверью, открывающейся водителем механической ручкой, наподобие хлопки, и...

- А другая, задняя дверь, зачем нужна? - иногда думали зеваки, провожая автобус задумчивыми взглядами. К тому же они знали, что дверь была закреплена и заставлена сиденьями, прикрепленными болтами, и в их "умных" головах срабатывала мысль: "Это инженеры ошиблись,

20

когда проектировали, а впрочем..."

Вот и ездил один из немногих таких автобусов в области между городом и районным центром один раз в день, наматывая при этом - туда и обратно до 300 километров по разухабистой дороге.

Водитель автобуса, разбитной парень, всегда был весел, улыбка не сходила с его круглого смуглого лица, смотревшего лукавым взглядом из под густых черных бровей. Однако водителя любили и уважали не за его улыбку, а за дела. Мишу уже знали все: и жители сел, и рыбаки, которых он "подбирал" по дороге, уставших и особенно благодарных. Однажды, глубокой осенью, когда лист с дерева опал и лишь держался на дубах, и багровые зарева восходящего солнца на горизонте предвещали холод и пронизывающий ветер с севера, из далекой деревеньки, что притулилась общарпанными убогими домиками у подножия коричневых сопок, шел мужик и гнал корову. Водитель Михаил заметил его далеко, на фоне дороги, с блестящими под лучами солнца уже не тающими лужами.

"Куда это он корову погнал? Возможно, в соседнюю деревню, что была в 30 километрах, до вечера должен успеть," - подумал он, проезжая мимо. Возвращаясь назад из районного центра в город, опять увидел мужика с коровой. Остановился и сказал, улыбаясь: "Я бы тебя с коровой подвез, но до деревни уже не далеко, на шутку мужик не отреагировал и лишь ответил: "Езжай, чего стал", - и погнал свою животину следом за удаляющимся автобусом.

На следующий день автобус снова был в пути, пассажиры ехали по своим делам. Одни выходили, другие заходили, втаскивая мешки с рыбой, семечками, со скербом и мелкой живностью, в поклажах у кого похрюкивало, у кого побрякивало, люди разговаривали и ехали по своим делам.

Но вот по дороге, опять вдалеке от деревень, навстречу автобусу тот же мужик гнал корову.

Михаил даже притормозил. С удивлением подумал: "Не от хорошей жизни человек гонит животное в такую даль". И, добавив газу, покатыл в райцентр. На обратном пути в город автобус ехал пустой, если не считать двух рыбаков, пропахших рыбой и дымом от костра. Те усталые, на передних сиденьях спали, не обращая внимания на шум двигателя и потирание на бесчисленных ухабах. Водитель, вглядываясь в дорогу, молчал и думал: "По пути никого уже не будет, так как населенных пунктов до города нет, может, какой пасечник или охотник знакомый попадется?"

Вдруг, за поворотом он вновь увидел знакомого мужика с коровой и ему стало жаль их. Михаил остановил автобус и сказал мужику: "Ну что, загоняй свою кормилицу и залазь сам. Мигом до города доведу, а то тебе идти еще 30 километров и все по безлюдью. Волки или медведь могут напасть в пути, к тому же скоро ночь."

"А денег много с меня возьмешь?" - спросил угрюмый

21

погонщик.

"Чекушку поставишь и все, и то, если у тебя есть, на что брать," - смеясь ответил Михаил, глядя на уставшего, покрытого, словно мукой, пылью, в заплятанной одежде человека.

"Поставлю," - обрадовано воскликнул тот, поправляя на голове старую солдатскую ушанку.

"Ну тогда загоний буренку", - и водитель открыл дверь, корова в автобус не желала идти, но люди все-таки втиснули животное, и оно надежно стало между сидений, задом к пассажирам и водителю.

Автобус мчал вперед, и все вроде было хорошо. Но корова, еще не привыкшая к технике, гулу от двигателя, мельканию деревьев за окнами и, стоя задом к неизвестному, была напугана, ошарашена и от-того непроизвольно стала оправляться. Брызги и капли всером окатили всех ехавших, запахи стойла поселились на равных с другими в автобусе. Проснувшиеся и недовольные затеей водителя рыбаки, уже было успокоившиеся, от деяний животного разразились такими матами, что если бы животное хоть маленько понимало эту веками просоленную человеческую речь, то уши у него завернулись бы.

За руганью и смехом незаметно доехали до города. Недовольные рыбаки, не мешкая, покинули столь "гостеприимный" автобус на своей остановке. А вот корова ни в какую не захотела выходить. Она, как заколдованная, стояла и не двигалась, мотая хвостом. Хозяин и так напуганный, а тут...

Он что есть силы стал толкать животное к выходу, при этом даже лупил, жалея, но она упиралась задом в лобовое стекло, чуть не выдавив его. Миша толкал сбоку, норовя направить ее зад в открытую боковую дверь, но та мычала, будто ее резали, и упрямая стояла, а если двигалась, то вперед, на хозяина. Говорят, что осел - упрямое животное. Нет, корова в автобусе упрямей! И в этом Миша убедился на всю жизнь. Вот тогда-то ему было не до смеха, он на животное орал, грозил по частям разрубить и к чертям собачьим выкинуть. Но животное не понимало, что от него хотят. Корова задом не только из автобуса, но и из сарая никогда не выходила.

Мужик, обросший, с испуганным взглядом ребенка, смотрел, на вспотевшего и злого Мишу, измученную, стоящую посередине салона корову. Задом она не выйдет, это все теперь хорошо понимали, даже корова. Что делать? Роилось в головах у двух незадачливых людей. Хозяин коровы уже сулил Мише столько..., но сказал коротко: "Напою". На что тот ему язвительно ответил: "Молоком?! Да?! Сейчас донить будешь?" - "Да нет! Водкой!" - испуганно ответил погонщик, вытирая непроизвольно под носом. Да если бы..., она вышла, я бы тебя сам месяц, понимаешь, месяц в ресторане поил, а теперь поехали в гараж, там придется заднюю дверь откупоривать, сидения откручивать, все отмывать". И посмотрев на мужика заляпанного, проговорил: "Да и самим надо отшкрябаться, а то вроде как в навозной куче ехали. Злости у него уже

не было, лишь твердая уверенность в том, что все будет нормально.

Когда они приехали в гараж, дежурный механик стал расспрашивать Михаила, почему он задержался, но тот, смеясь, ответил, что из-за коровы, которую привез. Механик принял сказанное балагуром за очередную шутку и подписал поданный в окошечко путевой лист, не выходя из диспетчерской проверять машину после рейса, зная, что у Михаила все всегда в порядке.

И вот в гараже, в теплом боксе, Миша крутил гайки, а ему помогал погонщик, они уже познакомились и, как старые друзья, за работой вели разговор.

Говорили о том, что к празднику муку по килограмму дают, хлеба мало, и тот из кукурузы пекут. Коров у людей поотбирали и в колхозах, те от бескормицы в ветхих сараях по колено в грязи пооколели.

Бравада, выплескиваемая постоянно прессой, исходившая от "мудрых и любимых" кремлевских вождей с их "архи гениальными", а вернее опытными для народа, планами, была им чужда. Они вкалывали за гроши, за спасибо и растили множество детей, не боясь нищеты. Жизнь была тяжела, но мужики надеялись на лучшую, позади была изнурительная кровопролитная война, из которой они вышли победителями, поэтому от унылых житейских разговоров они перешли к другим, а когда открутили сиденья, открыли заднюю дверь и выгнали корову, то и посмеялись от души. Вскоре в автобусе они все отмыли и опять на место поставили и закрутили.

Что и говорить, все же инженеры советские предусмотрительными оказались, когда проектировали автобус, не чета всевакам, смотревшим в след удаляющимся автобусам и все думающим...

1991 г.



ДОБРЫЙ МУЖИК

Ленька, недавно выпущенный из тюрьмы, был человеком хорошим, даже наколки на теле и те говорили о его тихом нраве. К примеру, его украшали симпатичный котик и красивые дамы, церковь со множеством куполов. Да и что говорить, душа-человек, искусство любит, на себе носит!

Он смотрел на людей исподлобья, вроде стеснялся кого. Его от курева желтые пальцы постоянно были в движении, и от этого на руках множество наколотых изваяний любили, негодовали, словно живые. Одним словом, у них была своя жизнь.

Вот его-то познали родные братья с собой за грибами.

- Пусть немножко в лесу отдохнет, свежим воздухом подышит, а то кашляет, как в трубу - на севере простудился, - так думали они, жалеючи.

Ленька с большим удовольствием засобирался по грибы. И

при этом он хорошо помнил, что в лесу водятся дикие звери, все, как один, без намордников и могли сожрать его. Наш герой, по привычке, пошкрябал свою лысую голову, словно граблями, громадной пятерней и задумался. Затем достал из укромного места свой нож и привычным движением утопил его за голенищем своих хромовых сапог, в которые был обут.

Приехав на место, братья договорились через пару часов встретиться у машины и разошлись по релкам собирать грибы. Леня шел по лесу, словно следопыт, чутко прислушиваясь к звукам и пристально глядя под деревья, выискивая грибы, но ему попадались только ножки от них. Шляпки кто-то вперед его срезал. С досады он захотел курить, свежим воздухом он был уже сыт по горло. Он пошарил у себя по карманам, но сигарет в них не было. Он по привычке сплюнул и, идя дальше, как мог ругал себя, а также лес, который был почему-то без людей и не у кого было взять закурить, да и братья как сквозь землю провалились. "Но ничего, бывало, что сутками не курил, к машине выйду и накурюсь," - так думал Леня, уже шедший к машине. Попутно он ругал комаров, которые, назойливо кружа, впивались, допекая его. Вдруг из чащи послышался треск и тяжелое дыхание. Наш герой был не робкого десятка, он судорожной рукой моментально выдернул из-за голенища свой нож. Кто видел это произведение искусств, то непременно обратил внимание - лезвие, что бритва, блестело даже в пасмурную погоду, ручка инкрустирована, а главное - размером чуть меньше сабли, клинок да и только. Им не грибы собирать, а ..., но это как сказать.

Леня в момент сориентировался в этой щекотливой обстановке, даже приметил спасительное дерево, как вдруг на него вышел мужик с полным ведром грибов. Ленчик обрадовался ему как родному, про себя отметил: "Какой маленький, плюгавенький, а как напугал, пер, как медведь какой".

- Здорово мужик! У тебя курить не найдется, а то я свои того, в машине оставил. Возможно, видел, белые "жигули" стоят на дороге.

При этом ножик у него в руках, словно указка у учителя в такт разъяснения, рубил воздух во всех направлениях. Среднего роста мужчина молча достал из кармана свои сигареты и оставив себе одну, пачку отдал Ленчику, который от доброты мужика был в восторге.

Леонид, закулив, стал объяснять мужику, одновременно жонглируя своим тесаком, который он прихватил для того, чтобы грибы, то есть шляпки аккуратненько так срезать.

- Я пошел за грибами с братанами, а те поканами, тайга незнакомая хотя локаторы на пределе, жаль лопоря вон подрал и грибов не набрал... Может, грибка три-четыре уделаешь, а то на дорогу выходить надо, у меня же вон.

И он указал тесаком на свое пустое ведро. Мужчина молча высыпал все свои грибы Лене в ведро, и, пока тот любовался столь щедрым в данный момент подарком, мужика и след простыл. Леонид не успел даже ему спасибо сказать. Выйдя на дорогу с ведром грибов, он

залез в машину и прилег на заднее сидение. Через некоторое время вернулись братья.

- Ну как успехи? Грибков-то много набрал, на закуску хватит? - спросили они и, увидев полное ведро с подосиновиками и подберезовиками, опешили. Как так, у них, заядлых грибников, по полведра и то еле наберется, а у Ленки полное.

- И это же надо, он с детства оттуда не вылазил, грибы на картинках то и видел, а тут ..., когда успел, от дороги далеко не уходил, клоунада, да и только.

Так думали они, но в голос оба похвалили брата за удачную охоту. Ленчик, гордый, рассказал им, как в лесу встретил доброго мужика. По привычке, когда он рассказывал, вертел в руках свою, как он называл, прибуду, то есть ножичек. Братья даже чуть отошли от восторженного рассказчика, попросил его недовольные, чтобы он при разговоре своей саблей перед лицами у них не махал.

А потом, вдруг расхохотавшись, сказали: "Добрый, говоришь, мужик попался?" И Ленчик, тоже улыбаясь, искренне сказал: "Да! Да! А что, не верите что ли?"

"С таким тесаком, с твоим видом, Леня, в лесу к тебе все хорошо относится будут, что не попросишь - все отдадут. Только в следующий раз, когда пойдешь за грибами, то своей саблей во время разговора не тычь, не маши, а самое главное, ни у кого ничего не спрашивай, а то ненароком за грабеж улетят добрые мужики!"

1996 г.



ОХОТА НА КРЫС

В первое дежурство чабан Митька Сычев находился на далекой овчарне с напарником Витькой Аридт. Тот был опытен в деле, и они принимали ночью от овец потомство, маленьких ягнят тонкорунной породы. Сходя в очередной раз в овчарню и отделив от основной отары овец в загон трех роженец с ягнятами, чтобы не уснуть до следующей проверки, ребята решили сходить в гости на соседнюю кормокухню к дежурившим там мужикам.

Местность, словно огромная чаша, была освещена полной луной, горы окаймляли её, а на дне, обозначенная темнеющими островами, крепко скованная льдом молчала речка. По берегу и между сопок растянута село мигало вдали огоньками. И от овчарен до кормокухни по тропе они шли молча, не замечая мороза, лишь скрип снега под ногами да лай собак вдали нарушали безмолвие.

Подойдя к кирпичному строению с большой трубой, изрыгающей темные клубы дыма, которые невидимый ветер уносил в сторону

безмолвных белевших полей, открыв дверь, они вошли в коридор, освещенный тусклой от грязи лампочкой. Было темно и пыльно, запах варева ударил в нос. Витька открыл вторую дверь, и они очутились в кочегарке, где у котлов трое мужиков, потные, а потому без шапок, в расстегнутых рубашках, играли в карты.

Им обрадовались и потеснились перед самодельным складывающимся столом, перетасовали колоду, раскинули карты на всех. Играли каждый за себя, на интерес.

Наигравшись в карты, Витька Аридт сказал, что пора, наверное, крыс ловить, а то скоро уже уходить, овец проверять. И обратиться к кочегару, спросил:

- Мишка, мешок хороший найдется?

Митька же подумал: "Каких таких крыс, и мешком, ерунда какая-то, подвох мне Витька припас, так как я на работе новенький". Но Мишка, крижистый мужик, сказал:

- Успеется, надо сначала картошки напечь.

Побросав в горячую золу здоровенные картошины, они продолжали играть, но Митька, думая о крысах, стал проигрывать. Проиграв в очередной раз, он достал из золы картошку побольше и раздавил, чтобы быстрее остудить. Но увлекся игрой, как вдруг из-за котлов выскочила крыса и набросилась на его картошку, стала её пожирать. Такого нахальства со стороны животного он не ожидал, а впрочем, и близко не видел их никогда, а тут?

Мужики, увидев его недоуменный взгляд, расхохотались и проговорили:

- Надо все картошины подавить, они на этот запах, как на приманку, в кочегарку набегут, вот тогда в мешок их и наловим. При этом стали деловито выкатывать из горячей золы черные, обгорелые здоровенные картошины и раздавливать их пимами.

Запах печеной картошки разнесся по кочегарке, и Митька, хоть и не был голоден, но все же смачную слюну проглотил.

Мишка, самый старший из всех, сказал, чтобы Митька с Витькой с ним пошли, а двое других оставались в кочегарке и выключили электрический свет, пока им не скажут включать. Их работа заключалась в том, что, когда крысы набегут и будут жрать картошку, они включит свет и будут колотить по котлам, создавая шум, от которого крысы начнут убегать через дыру в соседнее помещение, которое "охотники" мешком закроют и тем самым их поймают.

Войдя в соседнее помещение, Митька увидел на середине большого зала похожий чем-то на паровоз без колёс кормозапарник. Мишка скомандовал ребятам, чтобы те залезли на него и сидели не шевелясь. Витьке же он дал мешок огромный, в народе прозванный "маоцзедуновский". Затем они уселись на эту машину и стали сидеть, не шелохнувшись, словно охотники на солонце, поджидая зверя, не делая резких движений.

Через непродолжительное время на полу под ними вокруг кормозапарника появилось огромное количество крыс, которых подсчитать было практически невозможно. Творилась какая-то вакханалия, здоровые и вперемешку маленькие игрались, бегали, дрались, влюблялись: у них была своя жизнь, непонятная людям.

Мужики наблюдали за дырой, которая чёрным зевом в кирпичной стене соединялась с кочегаркой. Митька начал их считать, сколько забежит в кочегарку. На третьем десятке он запутался, так как одни забежали, другие выбегали.

Но тут Мишка дал знать, что пора. Ребята, быстро соскочив, бросились к дыре, из которой пулями выстреливали напуганные ими крысы. Набросив на дыру мешок и крепко держа его, они крикнули кочегарам, чтобы те выгоняли оставшихся животных. Подгоняемые шумом и включенным электрическим светом, крысы с разгона влетели в мешок, который у "охотников" в руках ходуном заходил. А из одной маленькой дырочки вдруг вылез белый, как привидение, весь в муке, крысенок. Отбежав на полметра от западни, он сел на задние лапки, протирая глаза передними, недоуменно смотрел на людей и чихал. От этой идиаллии Митька рассмеялся.

Мишка скомандовал:

- Держи дыру, они все через неё выскочат.

Тот крепко зажал прореху руками, потом взяли вдвоем тяжелый мешок с прыгающими там животными и потащили к железной бочке, в которую вытряхивали всех крыс. Очумелые, белые от муки, те теснились на дне бочки.

Мишка назидательно объяснил, что эти животные без корма пожрут друг друга и останется самая сильная краса, которая, когда выпустишь её на свободу, будет питаться только своими сородичами, называется она крысиным волком. Вот таких побольше навypускать и таким образом можно от этих тварей избавиться. Насколько правда это, Митька не знал, но охота на крыс там была таким же развлечением, что и игра в карты, когда надо дежурить и не спать.



ВЕЩИ

Они познакомились случайно. Видно, приглянулись друг другу, как это и бывает у одиноких людей. У обоих раньше были семьи, но так уж получилось, что к моменту встречи никто из них не был связан семейными узами.

Они долго приглядывались друг к другу, очевидно, помня известную поговорку: "Обжегся на молоке - дуй на воду".

Сколько он к ней ходил, это их дело. Но они настолько сблизились, что она уже доверяла ему ключи от собственной квартиры. И вот, однажды, вернувшись с работы, она весело спросила его, уютно расположившегося в мягком удобном кресле: "Ты, наверное, скоро вещи свои ко мне перенесешь?" - и со смехом добавила: - Совсем прописался у меня, каждый день ходишь". Потянувшись в кресле, он небрежно ответил: "Мои вещи? Так они уже давно здесь". "Как? - удивилась она. - Где?" "Здесь. А ты что не видела?" - тоже весело переспросил он. Она внимательно осмотрела комнату. Открыла платяной шкаф, взглянула под кровать, за диван. "Так где же твои вещи?" Ее взгляд выражал недоумение и растерянность. "Все свое нопу с собой". Он, улыбаясь, обнял женщину.

- Тьфу ты! - в сердцах сказала она и вдруг звонко расхохоталась.

1993 г.



ШАЛУНИШКА

Предновогодняя суеда. Она всегда приносит радость. Предчувствие праздника витает в воздухе. Тепло в доме, достаток в амбарах, то есть в холодильниках и на балконах, перемигивание разноцветных лампочек на елках даже взрослым напоминает о детстве.

Новый год - это семейный праздник. Могут праздновать его несколько семей в одной компании и будут веселы, а могут ..., но с этим разбираются после праздника, а пока...

В квартире на окнах стояло холодное, разлитое по тарелкам, и своим аппетитным запахом дразнило щенка, с которым играл Андрейка. То из одной комнаты, то из другой слышался лай песика и смех шаловливого раскрасневшегося и увлеченного игрой мальчика. На кухне возле газовой плиты колдовала над аппетитными кушаньями, то помещивая, то чего-то добавляя, готовила праздничные деликатесы его мать - добродушная, с внимательным взглядом, расторопная женщина средних лет. Пришедшая в гости и помогавшая ей старшая сестра была в годах, сухонькая, низенькая, немного сутулившаяся. На ее курносом личике маленькие внимательные глазки, словно буравчики, при разговоре как бы сверлили собеседницу. Работе и разговору не мешал шум, смех и твяканье, доносившееся из комнат. Но вот маленький черный песик, убегающий от сорванца, влетел на кухню и спрятался за эмалированное ведро, из которого

тетя Тася брала картошку и чистила. Вбежавший на кухню сердитый Андрейка стал пинать рычащего на него щенка. Мама стала стыдить его, ругать:

- Ты зачем маленькую собачку бьешь, ей ведь больно.

Переставший бучкать взъерошенное, затравленное существо, Андрейка насупленный, с зализанным вихром на лбу, стал оправдываться, мучительно подбирая слова в свое оправдание и с трудом проговорил плаксивым голосом: "Это мой Джульбарс, маленький, маленький, а кусается, будто большой. И еще он прямо-таки на меня зло говорит по-собачьи ры! ры! ры! Вот так то!"

- А ты не мучай его, и он на тебя не будет "ры" говорить, - с улыбкой проговорили женщины. А тетя Тася даже захихикала и сказала, покашливая в кулачок. - Ох, Андрей! Д-дожился, на него собака говорит "ры". Андрейка, видя такой поворот, сначала тоже рассмеялся, но затем вдруг стал хохотать, не останавливаясь, взахлеб.

Удивленная таким поведением племянника, тетя Тася даже спросила свою сестру.

- Люсь, что это с ним, он случаем того, не болен?

Но малец всё хохотал, стоя в дверях, желал своим баловством обратить на себя большее внимание.

- Андрей, прекрати! Слышишь, прекрати, хватит, посмеялись и будет!

Но малец всё хохотал, стоя в дверях, желал своим баловством обратить на себя большее внимание.

- Ну, ладно, не хочешь по хорошему унять, пеняй на себя.

А сама подмигнула своей сестре и, посмотрев с усмешкой, тихо, заговорчески проговорила:

- Он сейчас плакать будет, я даже пальцем его не трону.

И мать, с улыбкой взглянув на свое непослушное и довольное чадо, обратясь к нему, громко сказала:

- Сынок, пока ты спал, к нам приходила в гости тетя Шура, угощала Сашку и тебе гостинец оставила, посмотри какой. Она открыла кухонный шкаф и Андрейка с неподдельным интересом стал наблюдать за матерью.

- Ой, что это? Куда подарок девался? Ты, Андрейка, не брал? Тут три апельсина больших лежало.

- Нет! Нет!

Глаза у мальчика округлились, конопушки на покрасневшем лице словно запрыгали, губы скривились, лицо стало пасмурным, вот, вот намечалось брызнуть слезами.

- Ну, тогда это Сашка забрал их и съел. Вот, вот, я так и знала!

- мать разочарованно посмотрела на своего сына и развела руками. И тут малец как закричит от обиды:

- А все Сашке и Сашке, а мне?

Слезы брызнули из глаз и он обиженный на обжору брата и на

мать не уберёгшую его апельсины, пошел, рыдая, к себе в спальню.

- Люсь, что Шура у тебя уже была? - спросила старшая сестра младшую.

- Да нет. Это я ему нарочно так сказала, чтобы не стоял здесь над душой. Пусть больше поплачет, меньше напрудит.

И они снова разговаривали о своем, лишь Андрейка, уткнувшись в свою подушку, плакал в спальне, затем, всхлипывая, уснул. Проснулся он от шума, гости уже собрались. Застолье было в разгаре, как в любой компании и в этой был человек, которому уделяли больше всего внимания. Им был военный. Военные в своей форме все красивые. На его погонах золотом красовались маленькие звездочки. Он много шутил, смеялся. Но Андрейку привлекали его значки, висевшие на груди, и при удобном случае, когда тот вышел покурить, он попросил один поиграть, но летчик не дал, смеясь, ответил:

- Вот вырастешь большой, будешь летчиком, как я, и у тебя будут такие же награды.

Сорванцу не понравился этот задавака.

- Значок пожалел, жадина-говядина.

А вот сосед Леха, из армии когда пришел, то ему дал большой значок, да еще с закруткой, про это брат Сашка даже не знает, а то отобрал бы. Он все отбирает. "Но ничего..., вот я вырасту, я ему покажу, как отбирать и пожирать чужие апельсины!"

Так думал он, примостившись на маленьком стульчике и спрятавшись за креслом, смотрел телевизор. Дети уже, умывшись, спали, а он, выпавшись днем, бодрствовал. Летчик смеялся, елка за его спиной перемигивалась лампочками, которые отсвечивались от его погон, а он казался дополнением, словно необычной елочной игрушкой. Он много говорил и на расспросы отвечал шутками. Незамужняя и поэтому надоедливая соседка Сонька спросила у него: "Не страшно ли катапультироваться, и что чувствуешь при этом?" На что поднебесный герой ответил: "Да это то же самое, что неожиданно около стула сесть, такое же состояние". Сонька, смеясь, с восхищением смотрела на героя. Тосты смеялись один за другим, в разгар гуляния встал летчик и произнес свой тост. Андрейке, сидевшему в своем укрытии, захотелось посмотреть, как будет катапультироваться этот задавака, он незаметно отодвинул на минуту освободившийся стул.

Довольный собой и веселый тот затем плюхнулся на... и оказался в мгновении ока под елкой. Что тут было?!

Андрейке это катапультирование запомнилось особенно. Недоуменный и какой-то ошарашенный взгляд героя, который ударившись о наряженное дерево, стряс на себя и на пол всевозможные красивые игрушки и был чем-то похож под елкой на висевшую игрушечную сову, та смотрела так же...

Шалунишка за свой опыт был больно схвачен матерью и так проследовал под одобрительные взгляды ухмылявшихся гостей в спальню,

где и получил изрядную взбучку за содеянное.

Андрейка спал на животе, ему снился хороший сон, будто летнее солнышко припекало его попу, ему было хорошо и тепло, рядом с ним стояло эмалированное ведро, наполненное апельсинами, и его злой черный песик охранял его богатство от брата Сашки, Соньки и катапультировавшего под елку летчика.

1992-1996 г.



КУ-КУПАЛСЯ.

С танцевальной площадки доносился топот многих ног. Прямая дорога, ведущая в парк, проходила по берегам водоёмов, с врезанными в них полуостровками. Тысячи звёзд, отсвет лампочек и большие деревья росли в парке, как в огромных зеркалах, отражались в воде.

Степан, только что приехавший из совхоза, в котором он отрабатывал шефскую помощь, сразу же, не заходя домой, пошёл в парк. Молодое сердце стучало, и звуки музыки, долетавшие с танцплощадки, подгоняли быстро идущего с вокзала Степку. Сердце его было переполнено жадной любви и надеждой на взаимность. Перед его глазами всегда и даже во сне, особенно там, в совхозе стояла она - эта кокетливая хохотушка, в присутствии которой он краснел и немел.

Степан торопился, надеясь встретить её на танцах. То ли от вечерней духоты, то ли от быстрой ходьбы, пот градом катился с него. И тут, на дороге около водоёма, что был между парком и темнеющим полуостровом, заросшим ивняком, его осенила мысль: "А что если искупаться?"

Долго не думая, он свернул в кусты и прошёл на песчаный берег водоёма. Толпы гуляющих, карусель в парке среди огромных деревьев, освещенная прожекторами, были видны ему, надёжно укрытому от посторонних глаз. Степан разделся до трусов, сложил одежду под тёмный куст. Затем подумав, снял и трусы, чтобы не мочить их. Вода была тёплой, приятная истома, блаженство окружали влюблённого, который сполоснувшись, вышел на песчаный берег. Осторожно ступая, он подошёл к тёмным кустам под которыми лежала его одежда, но её почему-то не оказалось. Он в спешке стал шарить вокруг, её не было!

- Неужели украли? - подумал он.

- А может кто подшутил? Так я тому! - и он сжал кулаки.

- Вот те на, не было печали, так черти накачали, далось мне это купание, - ругал себя Степан.

А тем временем, очень голодные, комары и мошка, обрадовавшись, с победным писком накинудились на мокрого и голого бедолагу и очень скоро вновь загнали искателя в воду. Степан зашёл в залив по шее и стал обдумывать своё незавидное положение. Многочисленные мальки

рыб тыкались в тело, приятно щекоча его. Не кстати вспомнил он читанное некогда про медведя, плывшего ночью через пограничную реку. Того зверя чуть не утопил огромный сом. Пограничник, наблюдавший за этим единоборством, видел, как медведь уже на берегу с большим трудом оторвал от себя огромную, зубастую рыбину.

“А этот залив в большую воду соединяется с той пограничной рекой”, - подумал задумчивый в данный момент Степан.

И ему вдруг стало страшно от того, что в этом водоёме могут тоже водиться огромные рыбины или даже большие, которые в ночи могли, чем чёрт не шутит, позариться и на его телеса. От таких невесёлых дум его бросило в жар, и он вспотел даже в воде, чего с ним никогда ещё не случалось. Он пробкой вылетел на берег и лихорадочно стал обшаривать кусты, разыскивая одежду. Кровососики с воинственным писком вновь набросились на Степана, столь лакомого. Они нахально впивались и с наслаждением сосали кровь у своей жертвы. Он бил их нещадно, но они снова загнали его в воду. Сидя на корточках у берега, он лихорадочно обдумывал, как ему выбраться из этой западни.

Вот он представил себя крадущимся через весь город голышом, по рост. За рост не даром его в школе прозвали дядя Степа-великан. Так что при луне он за километр будет виден. А если пробираться закоулками? Но влюблённые..., они в тёмных углах и закоулках трутся.

А если голым его увидят знакомые, а в этом городишке почти все знакомые, что скажут, позор!

- Вот влип, так влип, хоть топись!

Но голым и топиться как-то неудобно, что подумают люди? Степан мучительно искал выход из создавшегося положения. Он решил по кустам подобраться к дороге и кого-нибудь из знакомых позвать к себе. Как раз в это время на танцплощадке музыканты играли прощальный танец “Семь сорок”. Наконец зажигательная танцевальная музыка оборвалась, и молодёжь повалила толпой из парка. Степан из своего укрытия высматривал знакомых, но в тёмной галдящей толпе отдельно кого-то узреть, было невозможно. И вот молодые особы, смеясь, отделились от толпы и пошли по своим делам в сторону Степана, и ему пришлось ретироваться, лезть опять в спасительную воду, которая ему уже так осточертела, что он и не рад был такому незапланированному купанию.

Степка дождался, когда все пройдут и, выбравшись из воды, стал снова подкрадываться к дороге. В темноте он наступил на что-то мягкое. Это была его одежда! Трясушимися от радости руками он быстро влез в свою одежду и вышел из своего убежища на дорогу, по которой ехала милицейская машина. Машина остановилась, и вышедший милиционер спросил неприветливо:

- Ты что так поздно тут делаешь?

- Ку - купался, - выдавил Степан.

Ку - купался?!



ЧУДИЩЕ

Дальний восток - кедровая необозримая тайга, раскинувшаяся по могучим хребтам. Озера, вобравшие в себя синеву неба и кишащие рыбой, полноводные кристально чистые реки, бегущие с крутых гор, несли с собой прохладу к Амуру - великой реке. Так было.

Поредевшие кедровые одиноко созерцают вокруг себя вытянувшиеся к небу тонкие березы и осины, замшелые огромные пни, как заброшенные могилы на старом кладбище, раскиданные по склонам сопки, заросли орешника, чередующиеся с аральей маньчжурской, элеутерококком. Все это, переплетенное лианами кишмиша, винограда, лимонника, сделало лес поистине непроходимым. Но молодой подрост: кедров, елки, пихты - все же набирают силу. На это нужны десятилетия. Загрязненные неочищенными стоками реки перекачивают грязный ил по скользкой гальке, а некогда жившие под сумрачными корягами раки, к тому же водившиеся в этих водоемах миллионы лет, в какие-то десять лет приказали долго жить. Но еще живучие голяны и пескари, мелкая рыбешка, не пуганная крупной рыбой, вольготно чувствует себя в реках. Озера поблекли. Ротан, которого раньше за рыбу не считали, и тот стал редкостью, не говоря уже о красноперках, налимах, карасях - величиной с лопату, сомах - с ванну, тайменях - с бревно, щуках, ленках, хариусах. Да разве всю рыбу перечислишь, которая в изобилии водилась в этих местах?

Живы еще старики, которые в тени на дачах летом и в теплых квартирах зимой вспоминают о былом, смакуя в повествованиях своих уловы огромных рыб, заготовки ягод и орехов кедровых, охоту на зверей и птиц, что в изобилии водились около селений, у последних хат.

Но плуки, по правде говоря, иногда их слушают, но этим рассказам мало верят. Думают: “Во, дед врёт, во заливает, да разве так бывало, почему все куда-то исчезло?”

Нам, дальневосточникам, рожденным в середине века, немножко удалось повидать рыбы, самим половить, пощелкать кедровые орешки, за ними походить. Поэтому старикам, как можем, так и помогаем в рассказах утвердиться.

Но про одну рыбалку тех давних лет я вспоминаю с неохотой. Смеялись многие, увидев меня с удочками на мертвом озере.

А началось это так. Зашел я к соседу. Сосед - путник, балагур, весельчак, заядлый рыбак - был постарше меня лет на десять. Ловил он рыбы помногу, раздавал, продавал, тем и жил.

В тот день он показал мне богатый улов больших, как поросята, ротанов. Он лукаво посмотрел на меня и сказал: “Смотри, дружище, какие мамоны попались мне. Их мать на базаре продаст и на гостинец денежку даст”. Затем он громко зевнул, потянувшись, с ехидцей пропел: “Если хочешь рыбку поймать, то надо козырные места знать”. Он подмигнул мне своими веселыми глазами. Вдруг лицо его преобразилось, стало по-заговорчески серьезным. Два сморщенных, с прищуром глаза, так и впелись в меня. Погрозив вдруг пальцем, он произнес: “Но только

никому! Ясно тебе? То-то, смотри у меня: я бываю иногда злой”.

Затем он стал нашептывать мне в ухо про то место, где ловил этих здоровых ротанов. Я, затаив дыхание, стал слушать его рассказ, как самую страшную и интересную сказку. Правда, в доме никого не было и можно было в ухо не шептать. Но на мой детский ум это здорово повлияло и, наверное, сыграло окончательную роль в том, что рыбаком заядлым я не был, но за ротанами все-таки пошел.

И вот я, накопив червей, собрав все свои удочки, взвалил их на плечо и пошел на озеро, славившееся тем, что рыбы в нем нет по той лишь причине, что в него сливает отходы не предприятие по выпуску яда, а фабрика по выпуску шоколадных конфет. Идя по дороге на озеро, я хорошо помнил, что сказал мне по огромнейшему секрету сосед: “В том озере водятся самые крупные и вкусные, как шоколад, ротаны. Только дно надо делать побольше, самые большие рыбыны на дне водятся, потому что там ключи с хорошей водой бьют. А чтобы рыба лучше клевала, ее подкормишь. Для этого кусок сала к кирпичу привяжи и забрось в озеро. Ротаны на сало нападут, они жадные до него, и червей с крючками позаглатывают, не успеешь их вытаскивать”.

Придя на озеро, что находилось около конфетной фабрики, я наживил червей на все удочки, закинул в воду вместе с приманкой и стал наблюдать за поплавками.

Вода зеленая пузырилась, словно прокишшее варево. Вольный ветерок наносил на меня отвратительный запах с поверхности воды, теребил поплавки, который ныряли заставляли проверять крючки, с нетруновой наживкой.

Рыбу я уже не хотел ловить в этом озере: меня тошнило, солнышко уже не веселило, и ветерок, наносивший на меня смрад, стал мне противен. Одно упрямство сдерживало меня, и я думал: “Вот поймаю одного ротана да уйду. Вон сосед наловил, а я что не могу?”

Пока думал над этой проблемой, со стороны конфетной фабрики появился один, потом другой, третий человек. Скоро десяток зевак во главе с очень умным начальством смеялись надо мной. До меня вместе с вонью долетали их научные фразы и смех: “Ха, ха, ха! Смотри, вон пугало сидит, он сейчас динозаврика вытащит. В последних изданиях Академии наук доказано, что в таких озерах пошел процесс динозаврирования”.

- Ну, - думаю, - пугалом обозвали, еще не хватало на крючок динозавра подцепить.

Я начал сматывать удочки. От толпы смеявшихся отделилось двое мужиков. Они беспрепятственно прошли через большую дыру в деревянном заборе и подошли ко мне. Аромат, который шел от них, говорил, что именно эти мужики и делают конфеты. В подтверждение тому они, как фокусники, стали вытаскивать из своих потаенных карманов шоколадные конфеты и совать мне за пазуху, отчего я быстро растолстел. И тут... Я стал вытаскивать последнюю удочку. Леска натянулась, как

струна, на поверхности озера вода словно закипела, и в ней показалось оно. Я сначала подумал, что это кочка, но это было чудище.

Мужики, стоявшие со мной рядом, перестали смеяться, заорали и бросились бежать назад, на фабрику. С перепугу, не найдя дыры, выбили целый пролет в заборе, через который могла свободно проехать грузовая машина. Я же, онемев, смотрел на эту образину, которая была подцеплена за кончик носа. Чудище чихало, а заодно пожирало сало, которое было брошено на приманку. Одновременно оно, словно рафинад, разгрызало кирпич, привязанный к салу. Из рта обильно, с шипением текли зеленые слюны. Я перестал тянуть и бросил удочку в воду. На берегу лежали сложенные удочки. Я схватил их и бросился бежать. Чавканье за спиной усиливалось. Я бежал, бежал и выскочил из болота на хорошую дорогу. Здесь чавканье прекратилось. Я оглянулся - чудища не было. Немного отдышавшись и поев шоколадных сладостей, которыми меня угостили трусливые дядьки, я отправился домой. Шагая домой, я заглянул в озеро, благодаря сточной воде, сливаемой конфетной фабрикой. Оно поело всю рыбу и чуть не “схряпало” меня, как это случилось с салом и кирпичом. Возможно, от ядовитых паров, что исходили от озера, все это показалось мне?

С годами производители конфет, сливая отходы, добрались и до колодезев. Вода в них стала ржавая и вонючая. Когда-то чистые роднички били в этих местах. Молчаливые путники и те хвалили воду. Теперь бьют грязные фонтаны, осыпая брызгами изумрудную траву, перекрашивая ее по-своему. Домашние животные, которые когда-то тучно паслись в окрестностях, заболели, и хозяева от скотины отказались до лучших времен.

Раньше было одно озеро отравлено фабрикой, но по мере ее увеличения, сброс отходов вырос, поэтому с годами образовалась целая цепь грязных озер. В былые времена от предприятий маленькие ручейки бежали, сейчас текут бурные потоки. Текут они через озера, потом в речки, речки в Амур, великую дальневосточную реку.

Сколько чудищ развелось в таких водоемах? Можно сосчитать по загубленной рыбе. Кто потом будет считать людей? И это чудовищно!

1979 г.



ШУБКА

Марина Петровна женщиной была обыкновенной, то есть замужней. Работала не покладая рук на производстве, а там, все знают, деньги с неба не сыплются, их там зарабатывают.

Мариночка, так звал ее любящий муж, деньгам знала счет, а поэтому копила, как могла, на новую и красивую шубку, даже застраховалась на несколько лет, чтобы по окончании страховки получить необходимую сумму на долгожданную покупку. Вот наступило время - полученные

деньги впопыхах выложила Марина Петровна в комод, прежде чем бежать за ребенком в садик.

Вечером муж, пришедший с работы, был накормлен неутомимой хозяйкой и сидел у телевизора. Ребенок - маленький мальчик - хныкал и не хотел спать, но мать все же уложила его. Управившись со всеми работами, оставшись с одними заботами, хозяйка легла спать. Но сон не шел к уставшей женщине, она думала, как поедет в соседний большой город за покупкой, со своей подругой Нюркой, рыжей, как огонь, и боевой, как гвардеец.

Утро пришло неожиданно, еще петухи не жились на насестах, а будильник, словно взорвавшись, своим звоном выкинул хозяйку из постели. Она включила свет, быстро, как на работу, собралась и, одевшись потеплей, сказав мужу, чтобы смотрел за дитем, схватив сумку с богатством, выпорхнула из квартиры и пошла на вокзал, чтобы успеть на поезд, следовавший в соседний столичный град.

На вокзале ее уже ждала подруга, от которой на весь зал ожидания распространялись запахи духов, и, размазанная как кукла, улыбалась какому-то полусонному типу. И вот самый ранний местный поезд, набрав скорость, покатыл Марину Петровну навстречу мечте. Попутчики все дрыхли в вагоне, лишь Нюрка с иронией рассказывала своей Мариночке о бурно проведенной ночи, намекая подруге на поправку здоровья. Та слышать ничего не желала, она как нерестовая рыба, двигалась к намеченной цели.

И вот подруги уже на огромном базаре. На огромной площади скопилось столько людей, что сравнимо было с демонстрацией, только без красных стягов. Подруги шли по барахолке, всматриваясь в товары, которые заполонили все прилавки, они искали шубку и, главное, подешевле. И вот в этой огромной толпе они вдруг увидели в руках у одной молоденькой девушки то, что они уже битых два часа искали.

Подойдя к девушке, стали осматривать товар, проверять качество его, особенно усердствовала в этом Нюрка. Марина Петровна держала в руках сумку с деньгами, боясь, чтобы ее ненароком не вырвали. А в это время Нюрка, смеясь, стала торговаться насчет шубки. Как ни странно, цена устраивала и была даже ниже, чем предполагали покупательницы. Вот только размер? Но продававшая шубку молодая особа была на редкость приветлива и услужлива. Марина Петровна, сняв с себя пальто, подала его Нюрке, а молодая девушка, подавая шубку обрадованной покупательнице, взяла сумку с деньгами так, просто поддержать. Подруги, дотошно осматривая шубку, были настолько увлечены покупкой, что на какое-то время просто забыли о девице.

Подруги сначала было искали исчезнувшую девицу, хотели даже поблагодарить за столь удачную покупку, пытались было кричать как в лесу: "ау, ау", но продавщица вместе с сумочкой как сквозь землю провалилась. Наполовину обманутые покупательницы были не в себе от злости.

Особенно неистовствовала Нюрка, какие кары только не срывались с ее губ. Она бы ту лахудру за такую проделку лысой в считанные секунды сделала бы, и морду набила бы, и ...

Выйдя из толпы и направившись к вокзалу, подруги стали подсчитывать сколько денег им надо, чтобы уехать домой. Пропюзы были не утешительны, денег хватало только до первой остановки, а там все по шпалам, по шпалам, как в известной песне поется. Но придя на вокзал, они увидели множество своих земляков, которые дома, то есть в своем городишке в лицо знали друг друга, на улочках примелькались.

Так что дамы нашли общий язык со своими земляками. Вот они уже в поезде с хлебосольными попутчиками, которые удивлялись столь странной покупке, за разговорами они все же не забывали любоваться природой.

А поезд, постукивая колесами, покачиваясь на поворотах, плавно вез пассажиров домой. Вытянувшись в стрелу, он по мосту пролетая над Амуром, заставил пассажиров невольно пристыть к окнам. Им хорошо была видна зимняя краса великой дальневосточной реки. Просторы ее уходили вдаль, к синееющим соймам, рыбаки, как маленькие мурашки, вдалеке точками усыпали лед, стоящий на высоком берегу красивый город уменьшался в размерах, а впереди, сменяя друг друга, деревни хвастались, словно нищий новым мешком, немногочисленными добротными домами. Релки и просторные болота были изрезаны рыбными озерами и речушками. Вскоре на горизонте, на закате, словно в сказке, стали появляться синие мерцающие с каждой минутой сойки. На божественный в своей красе небосклон высыпалось множество звездочек, которые мерцали своим холодным блеском. На сойке чуть виднеющаяся антенна, словно маяк, светила красными огнями, постепенно росла в размерах, а город, приютившийся у ее подножья, светился огнями, словно ждал кого в гости, соскучившись. И домой. В проходах столпились многочисленные пассажиры, нагоняли нервозность друг на друга, торопись первыми покинуть столь гостеприимный вагон. Но вот путешественники, вдохнув свежего воздуха на перроне, как голодные овцы засеменили домой.

Нюрка с вокзала хотела идти к себе домой, но Марина Петровна упростила сходить к ней в гости, по возможности объяснить ее мужу случившееся, на что та сказала: "С тебя бутылка шампанского причитается". При этом ее подкрашенные и от этого кажущиеся огромными глаза плутовски стрельнули на незадачившую покупательницу. Когда подруги вошли в квартиру, то их встретил чем-то недовольный муж Марины Петровны, который с порога им озадаченным сказал:

- Где это вы, кумушки, шлялись все это время. Меня, как дурака, с ребенком оставили, а сами вместо того, чтобы ехать по делу, сниматься пошли, что ли? Ладно, Нюрка, она не замужем, ей шляться даже надо горемычной, а ты-то куда поперлась, Мариночка?

Женщины от такой встречи опешили, не понимая в чем дело. Первой опомнилась Нюрка, покраснев от злости, она не то чтобы

проговорила, она прорычала: "Но, но, ты Федя на поворотах потише, забыл, как я в детстве по башке стучала? Напомню! Какая тебя муха укусила? Поллитровая, да? Мы с поезда, усталые, шубу твоей жене купили, правда у нее потом сумочку одна сучка умыкнула. Да ты радоваться должен, а не верещать как поросенок". На что муж Марины Петровны взревел от ярости так что женщины подумали, пятась к спасительным дверям: "Да у него с головой что-то". И не на шутку испугались. А он продолжал орать, язвительно выкрикивая свои доводы.

- На какие такие деньги? Может на палки? Деревянные такие? За три палки и шубка на тебе, дорогая? Что вы мне лапшу на уши вешаете, деньги то все в комоде лежат. Женишка их не соизвоила не то что взять, а даже спрятать. Полез туда искать одежду ребенку, а деньги - вот они. Как это называется?

Муж, Федя, красный, как рак, взъерошенный, потной рукой стал вытаскивать из комода деньги и бросать их на стол.

Марина Петровна с широко открытыми глазами смотрела на деяния своего мужа с изумлением, как на представление факира:

- Вот те на, я деньги, оказывается, дома оставила в попыхах-то.

Нюрка секунду назад разгневанная, стала неистово хохотать. Сквозь смех проговорила:

- Ну вас, так и вальтануться можно, вот насмешили, сроду так не хохотала, чтобы слезы аж по ляжкам текли. Хватит хозяин придуриться, гони деньги на шампанское, обмывать шубку будем, а пока держи железнодорожные билеты туда и сюда, потом, Федюша, все тебе расскажем. Да! Не завидую сейчас той сучонке, которая с твоей, Мариночка, сумочкой по стольному граду без денег мечется, возможно, уже и с фингалочком под глазом, получив от родимого своего субъектика. А говорят, что в лотерею иногда выигрывают. Чем тут не лотерея?

Шла за шампанским в магазин Нюрка, обдумывая происшедшее.

1996 г.



ЖИСТЬ ПОЛОМАТАЯ

Третий день, как без людей. Пашке это одиночество надоедать стало, даже та работа, которую дал пчеловод Иван, порядком надоела.

Приемник, настроенный на программу "Маяк", исполнял много хороших песен для строителей Байкало-Амурской магистрали, а в перерыве диктор торжественно говорил об успехах на стройке века. Где-то бурлила жизнь, а тут, на забытой богом старой пасеке, Пашке было скучно. И как-то разнообразя свое одиночество, он решил поинтересоваться трактором, залез в кабину, потрогал рычаги, надавил на фрикционы, правда раньше он на нем катался, но то разрешал ему тракторист. Он даже научил заводить его. Технику Пашка эту освоил,

так ему казалось, был с ней на "ты". "Пока никого нет, я его сам заведу, немножко прокачусь, никто не узнает. Подумаешь, бортовая какая-то там полетела, поехал же тракторист сюда на поломанном и ничего". Так думал наш герой, успокаивая свою совесть. И вот уже он завел трактор и поехал сначала в одну сторону, развернулся на месте и поехал в другую, благо было где развернуться. Накатавшись вдоволь, он заглушил двигатель, приподнятое его настроение требовало еще чего-то - чего он и сам не знал. Но тут ему на ум пришло то, что он уже взрослый, а взрослые после работы соответственно не прочь и пропустить кружечку. "Да и кто узнает, подумаешь, отпить если кружечку медовухи, которой в бочке полно, незаметно будет".

Так решил про себя Пашка, направляясь в дом. Зайдя в хату, он спугнул здоровенного хозяйского кота, который съел почти всю пожаренную накануне рыбу. Пашка с досады загустил в него попавшее под руки полено, но кот знал и давно усвоил свои позиции и отход в спасительное подполье. Пашка картинно встал и выматерился, даже с досады сплюнул, достал сигареты и закурил, правда, зла особого на кота у него не было, да и вообще жизнь его не научила особой злости.

Сделав несколько глубоких затяжек, он наконец решился налить себе кружечку медовухи. Горьковатая на вкус, с приятным запахом медовуха после первой кружечки зажгла внутри, бросила в жар, и в голове стало туманно, легко, весело. Пашка встал из-за стола и посмотрел в зеркало, что висело над умывальником. На него глянул еще безусый пацан с пушком на щеках, с покрасневшим потным лицом, будто из бани, с помутневшими зелеными глазами.

Пашка нахмурился, и тот в зеркале тоже нахмурился, вдруг Пашка засмеялся, его качнуло, и он, шатаясь, отошел от зеркала, повалился на койку. В голове у него шумело, ему было весело, и он продолжал смеяться и икать. Немножко полежав на койке, он вспомнил о тракторе, о пчеловоде с плотниками, которые работали на новом месте. И ему так захотелось к ним, что он поднялся и пошел, пошатываясь, во двор заводить трактор. ДТ-75 сразу не завелся, Пашка дергал и дергал за веревку - шкертик, пытаясь его завести, ругался, злился и даже пинал по гусенице с досады железную махину, будто это было живое существо. Наконец трактор не выдержал натиска разбушевавшегося не на шутку мальчика и затарахтел, спугнув ворону, сидящую на ближайшем дереве, да маленькую дворняжку, спавшую на завалинке. Пашка обрадовался, влез в кабину, пропахшую, словно человек, потом, гарью от дизельного топлива, включил скорость и нажал на фрикционы. Но тут, вспомнив о медовухе, решил, что надо обмыть это дело. Он подъехал к дому, остановился, не заглушая двигателя, вылез из кабины и пошел в дом. Там он потянул попавшегося под ноги шкодаивого кота, затем выпил кружечку медовухи, налил ее в бидончик, решив отвезти ее на новую пасеку строителям и пчеловоду, и представил, как они ему обрадуются.

- А насчет трактора тут все в порядке, пусть не паникуют, - так

решил Пашка, взяв в руки бидончик, и, покачиваясь, вышел во двор. Обойдя трактор, проверил палыды на гусеницах, как это делал тракторист, и влез в кабину. И вот он уже ехал по таежной дороге в сторону новой пасеки.

Выгоревший от пала кочкарник подсох, и гусеницы, тарахтя, поднимали черную пыль, утки, прилетевшие с юга, взлетали то тут, то там и, делая круг, садились на необозримом болоте, тянувшемся по речке до самого Амура. Но вот трактор выскочил на невыгоревшую прошлогоднюю траву, что росла по болоту и еще держала мерзлоту. Трактор трянуло, Пашка подлетел в кабине, а затем поехал по замерзшему болоту, как по асфальту. Помощник пчеловода повеселел и так как песни петь не мог, да и слов не знал, но услышанный куплет из одной песни все же усвоил, и раз за разом, повторяя, он ехал и орал:

- Ты ж мене пидминула, ты ж мене пидвила".

Он выехал в подлесок. Елочки, кедрушки и лиственницы хороводились на солнышке у подножия сопки. Вспомнив кино про войну, он вообразил себя такистом и героем и стал на тракторе, будто на танке, уютить молодой лесок. Переломанные деревья и кустарники, наливавшиеся весенней живительной влагой, гибли сотнями под гусеницами трактора. Сок из-под содранной коры стекал с исковерканных деревьев, как кровь, а белая на изломах древесина напоминала переломанные кости.

Несчастные деревья не могли кричать, взывать о помощи, как это делают животные и люди, но они тоже живые существа и по своему, умирая, мучались, а юнец победно хохотал и орал один и тот же куплет в пьяном угаре.

Наш герой, забавляясь, отвлекаясь, покати, все круша и ломая, по старой дороге и вскоре выехал на заброшенную деляну. Он остановил трактор перед эстакадой с невывезенным когда-то хорошим деловым лесом, полусгнившим от времени. Невдалеке, заросший березняком, стоял трактор С-100 и огромная цистерна с горючим, давно списанные с баланса какого-то захудалого хозяйства, каких в этом богатом природными ресурсами крае множество.

Пашка вылез из кабины и, играя в воображении в войну, с любопытством пошел смотреть на брошенные врагом трофеи. Но ничего хорошего не нашел и, спотыкаясь о пустые бутылки из-под водки и цепляя на себя клещей, вернулся назад к трактору. Круто развернувшись на одном месте, он по проторенной дороге поехал назад. Сломанные и поваленные в одну сторону деревья по ходу трактора, теперь, при выезде с деляны, как бы мстя, поднимались и порвали остановить трактор. Они ветками упирались в мотор, в лобовые стекла, порвали попасть в кабину, достать Пашку и отомстить ему.

Пашка матерился, дергал за рычаги, в голове у него шумело, он был злой. Но вот наконец он выбрался на дорогу в сторону новой пасеки, поехал по ней, чтобы успеть засветло добраться до места. На душе снова у него было все хорошо, и он заорал запомнившийся и понравившийся

куплет: "Ты ж мене пидминула, ты ж мене пидвила".

Весенний длинный день подходил к концу, пьянящий чистый воздух, настоянный на смоле, выделявшейся из распутившихся листьев, медовый запах цветов. Жажда жизни, ее неутолимое бурное движение весной и только весной проявляется в своем величии и нигде так не заметна, как в природе. Под брачные, не смокающие трели и пересвисты птиц шла бурная созидательная работа всех обитателей земли.

Солнце после холодной зимы отогревало своим неистощимым теплом весь мир от края и до края. Наледи, выросшие за зиму, угасали под яркими его лучами, голубые ручейки вылизывали себе путь в их еще огромных тушах, лежащих в сумрачных каньонах многочисленных отрогов, покрытых непроходимым, кишачим клещами лесом.

На южном склоне небольшого отрога, заросшего липой, кленом, бархатом амурским, аралией маньчжурской, диким виноградом и другими деревьями и растениями, которыми богата Дальневосточная земля, облюбовал для новой пасеки место пчеловод и обосновался.

На очищенной от леса поляне было уже сухо, лишь оставшиеся после среза деревьев пни словно плакали, и по ним, особенно березовым, стекала в изобилии жидкость. Множество мушек, питаясь соком березы, тонули и темными почками стекали в пенную лужицу. Лохматая рыжая собака с деловым видом в который уже раз оббежала точек и метила пеньки, тем самым утверждая свое обитание на этой земле.

Из завезенного зимой пиломатериала, приехавшие из города плотники доделывали все необходимые на первый случай постройки. Работа после продолжительного ненастья у них спорилась. Шум, веселая брань и стук топоров разносились далеко в окрестностях. Строителям помогал пчеловод средних лет с добродушным широкоскулым лицом. Из-под пушистых пшеничных бровей на мир смотрели с прищуром веселые и добрые глаза, кудрявая шевелюра, богатый рост и спокойный голос - все эти признаки степенного человека указывали в нем добряка. Плотники, их было двое, и пчеловод разделись по пояс, всецело ушли в работу, мускулистые их тела были постоянно в движении, покрасневшая от солнца кожа обдувалась налетавшим время от времени из-за горной речки прохладным ветерком. Плотник, что постарше, прожил, видно было по его татуировкам на теле бурную жизнь. Наколки темной тушью впились в тело и были разнообразны по своему содержанию. Лицо его к сорока годам - морщинистое, с нездоровой бледной кожей, блеклые голубые глаза были как бы настороже даже во время доброго расположения духа. Седые тонкие волосы на большой круглой голове торчали в разные стороны. Большие уши и черные от крепкого чая зубы дополняли вид. Простуженный когда-то голос огрубел и по звучности был сродни рупору, поэтому и прозван он был в честь знаменитого всесоюзного диктора Левитаном. Прозвищем своим даже гордился и на него охотно отзывался.

Другой плотник, по имени Витька, был молчалив и смотрел на

собеседника большими темными блестящими глазами то с любопытством, то с восхищением, а то с улыбкой, внезапно он мог громко рассмеяться, и хотя ему было уже за тридцать, но наивность детская так и сквозила в нем.

Работа подходила к концу, и плоды ее каждый видел по-своему. Пчеловод надеялся быстрее привезти пчел на новое место да и заняться ими. Плотники желали съездить в город по своим делам, закупить продукты, вернуться и начать строить по договору капитальный омшаник для пчел. Но как это бывает, непредвиденный случай портил им все планы. Три дня назад неожиданно сломался трактор ДТ-75, и его оставили на старой пасеке под присмотром помощника пчеловода. Но работа есть работа, и она не ждет. Когда уходили плотники и пчеловод на строительство новой пасеки, а тракторист в город за запчастями, то все наказывали помощнику пчеловода - молодому пацану, чтобы он не трогал трактор, потому что в любой момент могла лопнуть рама, а ремонт машине не понадобится бы. Пчеловод Иван, уходя, по этому поводу сказал: "Мы уходим, но ты смотри, Пашка, за этим агрегатом". А Левитан, улыбаясь, пробасил:

- Ты, Паха, глядя в оба, без этой тарактелки не будет работы, да и за пайкой нет охоты такую даль пилить, - и, подумав, добавил. - Раньше только под конвоем по такой дороге на Колыме гоняли, чтобы эки быстрее подышали. Работа на новой пасеке у плотников и пчеловода спорилась. Перебрасываясь между собой шутками-прибаутками, строители вспомнили о Пашке и говорили, что пацан еще молод и ему скучно там одному, может быть, уже тракторист, если не забухал в городе, запчастки привез и трактор ладит.

Вдруг невдалеке послышался чуть слышно звук то ли трактора, то ли вездехода, сначала никто не обратил внимания. Но по мере приближения поняли: трактор, а это значит, что работа будет закончена раньше. Все работали, а заодно посматривали в ту сторону, откуда приближался звук. Вот уже трактор близко, вот он сейчас выйдет на полянку, вырубленную для пчел, но что это? Выехал на поляну трактор, а тракториста нет. Вместо него в кабине восседал помощник пчеловода - потный, грязный и при этом улыбался. К остановившемуся трактору подошли все трое разом. Из кабины на них смотрел весело Пашка и, смеясь, запутанно говорил:

- Я, ну, я ... короче остался один, мне стало скучно, я вот завел трактор и приехал к вам.

Но пчеловод стал его ругать:

- Зачем ты пасеку оставил без присмотра, может пал ее спалить, а кто тебе разрешил без спросу ездить на сломанном тракторе? Тракторист же ясно сказал: "Не трогать!".

- А ты такой непослушный, догробил, наверное, технику, теперь ее в утиль? Немедленно вылезай из кабины.

Загоревшее бронзовое лицо пчеловода покраснело, добродушный

взгляд стал сумрачным.

Помощник пчеловода перестал смеяться и, спрятав лицо в большие грязные руки, навзрыд заплакал, как плачут маленькие дети, сильно обиженные взрослыми и считающие себя в этот момент сиротами.

Плотники, наблюдавшие эту картину, молча закурили, отошли от трактора и сели на груду досок, что лежали невдалеке. Пчеловод подошел к ним и с досады тоже закурил, хотя давно уже не курил. Вдруг помощник, наплакавшись, поднял голову и стал тереть грязными руками мокрое от слез лицо. Левитан вдруг захохотал и, тыча в него пальцем, сквозь смех проговорил: "Ты, новичок, посмотри на своего пома, какой он свинтус чумазый, да к тому еще балдой. Он, пес шелудивый, медовуху надывбал, жрет сам и нам, поди, не оставил. Такому борову много ее сожрать надо, чтобы так противно и по-бабьи выть. И вдруг смеяться стал еще истеричнее и, тыча пальцем в сторону трактора, повторял:

- Во бык, во бык!

Пчеловод не заметил, как докурил сигарету и, лишь, обжегши пальцы, машинально бросил окурочек под ноги и вбил каблуком сапога в оттаявшую землю.

Пашка, наблюдавший исподлобья за пчеловодом, в этот момент расхохотался, ему было смешно и даже весело. Смеялись уже все, кроме пчеловода. Он, хмурый и рассерженный, строго спросил у Пашки вновь: "Ты зачем это пьешь, кто тебе разрешил, ты молодой, тебе нельзя еще не то что пить, на нее даже смотреть".

- А я что! - снова взвыл помощник. - Остался один, мне стало скучно. Ну выпил и выпил, не трогайте меня! Да что вы знаете обо мне? У меня дома мамка и папка пьют всегда, а потом дерутся и жрать нечего. У меня, у меня, - рыдая громко, сквозь слезы, проговорил Пашка каким-то трагическим голосом, - жисть поломатая!

Плотники, услышав последнее признание помощника пчеловода, закатились смехом и, поддерживая животы, лежа, катались по доскам.

- Да! Да! У меня жисть поломатая! - еще сильнее взвизгнул Пашка и опять уткнулся в свои грязные руки.

- И плакал он так горько, и ему себя было так жалко, а крупные слезы лились из его глаз. Пчеловод, вместо того, чтобы пожалеть Пашку, наоборот, с учительской настырностью спросил:

- Ты зачем напился, Пашка, если сам знаешь, что от этого бывает только плохо? Напровалячил бы рамки, я же тебе легкую и нужную работу дал.

Пашка перестал плакать, машинально вытер слезы, всклокоченные волосы на голове и руки с растопыренными пальцами, поднятые вверх, чем-то напоминали в нем лешего с картинок. Затем он с яростью, посмотрев на пчеловода, открыв рот, заорал на всю тайгу:

- Не хочу работать, не буду работать, ненавижу работу!

Этот истошный вопль разнесся по тайге и эхом отозвался в распадке.

- Ну и помощничка ты себе откопал, - корчась от смеха, пролепетал выдавший жизнь со всех сторон Левитан.

- А хая, что у Чипы, моего кореша жены. Та тоже, как нажрется, то из себя словно жилы тащит и орет: "я сирота, я сиротинушка". Но только та беззубая, за свои "концерты" с ними распрощалась. А этот-то пасты как дерет? У нас бы в детдоме с ним, если бы хоть раз поиграли, про слезы забыл бы навсегда. Работать не хочет! Еще не жил! Жить у него поломата! С такими маховиками, с такой рожей и с такими запросами, что и говорить, настоящий баклан будет. А жизнь тебе наладят теперь только у "хозяина", - перестав смеяться, проговорил Левитан. - Сейчас не те времена, чтобы у батюки Махно в Гуляй Поле бражничать, или у Рокоссовского ордена зарабатывать, сейчас пахать на себя надо. А не хочется пахать на свободе, у "хозяина" научат и пахать, и школу кончать, а заартачишься, то будешь охат. Не таких быков обламывали еще со времен Лаврентия Павловича Берии, ломали и ломают, практики и тактика что надо, всех под одну машинку стригут и волос оставляют ровно такой, сколько и прав после суда.

И он, довольный, развалившись на досках, перестав вещать, затащил сигаретой и, лежа на досках, задумавшись, стал курить, дым сизыми колечками поднимался вверх. Пчеловод с Витькой ушли в новый дом. Пашка, вроде успокоившись, внезапно завел трактор, быстро вскочил в кабину. Левитан повернул голову, посмотрел на трактор, который под управлением Пашки вдруг тронулся и покотился в сторону досок, на которых тот лежал и правил болевшую спину. Что-то оравший в кабине юнец и его выпученные от ужаса глаза беспокоили Левитана, и тот, спешно поднимаясь, непроизвольно оступился, а нога его застряла в досках, словно попала в капкан. Пашка, не сворачивая, ехал прямо на него. Левитан, с трудом выдергивая ногу, упал и скатился в промежуток между досками и бревнами, попал в ловушку. На мгновение трактор завис над ним, и грязные капли с гусениц обожгли лицо, и вот машина, все круша, наехала на него.

Увидев все это, Иван с Витькой остолбенели. Оцепенение какое-то время сдерживало их. И вдруг младший плотник бросился в дом, выскочил с карабином и вскинул его по направлению трактора, целясь в Пашку. Пчеловод, увидев это, ударил снизу по стволу, грохнул выстрел, пуля ушла вверх и сбила ветку, та камнем упала на трактор. Пашка, наконец развернул ДТ-75 и добавил газа, покотился на старую пасеку, а там в город и дальше, куда глаза глядят.

В голове у Пашки словно было пусто и лишь одно видение стояло перед глазами - испуганное лицо Левитана. Он не хотел этот, но так получилось!

Пчеловод с силой оторвал карабин от рук Виталия, при этом он с укором говорил:

- Хватит одного покойника. Ты что, за этого шакаленка сидеть хочешь? У тебя семья! Думать о ней надо, а тут без тебя разберутся.

Пойдем Левитана посмотрим, возможно надо закрыть его труп, пока будем в город ходить, чтобы зверье не растащило. И они молча пошли к развороченным трактором бревнам и доскам, к могиле Левитана. Трактор, удаляясь гудел вдалеке. Пашка, не сбавляя скорости, гнал трактор, при этом вспоминал, как наехал на доски, на Левитана, и ему было жалко себя. Что ему будет за это? Он плакал, слезы обильно текли по грязным щекам. Вытирая их, он не заметил, как наехал на огромный пен. Ударившись, трактор завис на нем, гусеницы заскребились на месте, чуть цепляясь за землю, словно вытирали их после грязной работы. Пашка заглушил трактор, жажда мучила его, он вспомнил о бидончике с медовухой и, достав его, стал с жадностью пить зелье. Напившись, пацан поставил его и выбрался из кабины. Страх с новой силой овладел им, и он побежал прочь по расквашенной весенней дороге, в сторону темнеющих сопот, старой пасеки и спасительного города, при этом он падал, земля словно не отпускала его, держала.

Прошли годы. В тихом небольшом городишке, у базара, в непогожий осенний день пчеловода по имени окликнул незнакомый человек лет тридцати, но уже поседевший, сухощавый, ссутулившийся, часто покашливающий.

- Что, Иван, не узнаешь? - с хрипотцой в голосе проговорил он.

- Да я недавно откинулся, еще худ и здоровьем слаб, но ничего, были бы кости, а сало нарастет. А ты не изменился, все такой же, тебя, по-моему, даже годы не берут, как мамонт, сохранился.

Пчеловод посмотрел на незнакомца и проговорил:

- Что-то вроде знакомое в облике твоём есть, а, понимаешь, припомнить что-то затрудняюсь. Знаешь, сколько людей побывало на моей пасеке на летних откатках, да разве всех упоминишь, да еще если были в то далекое время пацанами, а теперь повзростали, попробуй тут узнать.

Незнакомый гулко закашлял, затем с натугой проговорил:

- Тыфу ты, если бы не чахотка, давно бы подох, - и как-то с натяжкой заулыбался, затем продолжил, - так и не узнаешь? Да я же у тебя помощником с неделю работал, когда ты на новое место перебирался. Я еще трактор угнал и Левитана закопал, бросил твою пасеку и пошел куралесить. Считаю, после того вся жизнь прошла "там". Сначала сидел за драки, за воровство, а потом гоп-стоп.

- А что это еще такое гоп-стоп, танец, что ли? - переспросил пчеловод, глядя с интересом на бывшего помощника, ссутулившегося и покашливающего.

- Да нет, - ответил помощник удивленно, но спохватившись, разъяснил, - это грабеж по блатному так зовется. Мелочишко с одного фразерочка стрес, ну и па восьмерик раскрутили.

Пчеловод нахмурился и осуждающе спросил:

- И стоило на мелочишко столько лет своей жизни менять?

- Но с этим я уже завязал, что было, то было, и годы... А теперь

думаю спокойно пожить, - ответил бывший помощник.

Вот ребята позвали дома строить, деньги хорошие обещают, приработаюсь, подкормлю и женюсь.

Пчеловод удивленно посмотрел на человека, в котором узнал Пашку и спросил:

- Так ты что же там, в лагере, за восемь лет ничего не заработал?

- Ну, дядя Вань, ты наивный как был, так и остался. Я что там на заработках был? Да, работал и хорошо работал, нормы свои выполнял и перевыполнял. Пойми, дядя, что работы там дают, в основном, тяжелые и копеечные, а потом высчитывают за то, что тебя кормят, обувают, одевают, охраняют, а на квиток идет мизер. Так что денег там не заработаешь, а хворобу - это точно. Хоть и говорят, от сумы и от тюрьмы не откажешься, а я все равно, даже врагу своему попадать туда не желаю, но особенно молодым пацанам, что по глупости своей хорохорятся, - с каким-то трагизмом в голосе произнес он эти слова, как произносил когда-то "у меня жисть поломатая".

Глаза Пашки, грустные, вдруг загорелись, лицо преобразилось, и он проговорил:

- А Левитан тогда живой остался, а я-то думал, что ему каюк. Так перепугался, что к деду с бабкой сбежал, аж в другой конец Союза.

Немного подумав, продолжил:

- Но от себя не убежишь. Потом, когда от родителей пришло письмо и из него я узнал, что все нормально, так радовался! А страх, тот страх, как и первая любовь, на всю жизнь запомнился. И он снова засмеялся и был, очевидно, рад после столь долгого отсутствия, что дома, у него на родине не было тяжелого греха и врагов.

- А что потом стало с Левитаном, где он? - снова спросил Пашка, - я же по нему проехал на поломанном тракторе, и, главное, не мог повернуть, заглушить, одним словом, тогда растерялся. Видно, он в рубашке родился. Пчеловод усмехнулся, подумав, словно взвешивая тот день, и сказал:

- Он просто ростом не вышел, - посмотрев на Пашку, добавил, - и худ был, а спасительная яма как раз в пору ему приплась. А о рубашке, Левитан после той обкатки лежать разучился. Он после тебя работал у меня помощником, пасеку принял, поступил в техникум, на заочное отделение, в партию вступил. Сейчас в соседнем пчелосовхозе главным зоотехником работает. Жена, двое детей, в общем, все как у людей. Пашка удивился. Хотел сказать: "Он же бич был!", но вырвалось: "Он же сидел!".

- Да, сидел, - сказал пчеловод, - Ленин, Сталин, много великих людей сидело, а Левитан что хуже?, - и, улыбаясь добавил, - ты вот тоже сидел, и не раз. Так живи, пример есть с кого брать. Мужик ты не глупый. Ну ладно, Пашка, пока, заболтались мы с тобой, словно бабы у колодца, - проговорил пчеловод и пошел своей дорогой. Пашка смотрел ему вслед и думал:

- Вот человек твердо идет, просто живет и не плавает.



ОПОХМЕЛИЛИСЬ

На кухне, у печки грелись пришедшие с безуспешных поисков опохмелиться двое великовозрастных братьев. Лица их после попок и пьяных драк красноречивей всего говорили о жажде, которую испытывают люди в данной ситуации.

Спасительный рассол плохо помогал им, толстые самокрутки нещадно дымили, сизый туман в лучах солнца колыхался около застывшего на половину с плачущими проталинами окна. В закопченной, обшарпанной, но горячей печке поленья трещали и нагоняли одну идею за другой, но они тухли, как окурки в заплыванном помойном ведре.

Безнадежностью сквозило от этих широкоплечих, в рабочих робах, небритых, обутых в валенки молодых еще людей. Огромные в садинах кулаки подпирали всклоченные головы, потные красные лица, бегающие взгляды упирались то в опорожненные бутылки, то кружки, пропахшие, как и они сами, брагой, при этом предательские слюны подпирали им глотки, от чего они икали, и их ненасытные желудки требовали свое, заставляя думать уставшие, больные головы.

Вдруг у крыльца с радостным лаем залилась дворняжка, знающая толк в картошке в мундирах и черном дешевом хлебе.

Скрипнула входная дверь, и вот в клубах пара появилась бабушка. Коричневое из толстого сукна пальто, толстый вязанный платок и суконные черные сапоги надежно прятали ее, маленькую, от утреннего жгучего мороза. Войдя в дом, она поздоровалась и небольшими шажками прошла, не раздеваясь, на кухню.

- Что это вы, птучики, к бабушке не заходите, повзростели небось? А раньше мальцами... все около меня вертелись, - прощамкала она своим беззубым ртом. Лицо ее, испещренное морщинами, с добренькими глазками светилось и, словно лучики, изливало тепло. Помоложе и стропилистый выпукло язвительно ответил:

- Ты, бабушка, водочкой не угощаешь.

Другой, чуть пониже ростом, но шире в плечах, озабоченно встал и цыкнув на молодого, проговорил, извиняясь:

- Да все некогда забежать, работы много, то в тайгу загонят...

Бабушка подседа поближе к теплой печке, оглядевшись немного, собравшись с мыслями, не спеша как когда-то рассказывая сказку, повела разговор:

- Когда я была молодой, мы жили на хуторе. Хозяйство было большое, коров в семье только было восемь, не считая другой живности. Работали много и хорошо жили, но гуляли только по праздникам, а

веселья сколько было? Я помню, бывало, пойдем мы к помещику, поработаем по хозяйству, он деньгами платил, наряды накупим. Все было дешево, тогда корова три рубля стоила.

- Баб, а бутылка? - перебил ее молодой, кудрявый, курносый, с ссадиной под голубым глазом, любопытный внук.

- А бутылка копейка, даже полкопейки. И такие деньги водились, - внимательно, с жалостью глянув на цепутевое чадо, отвечала старушка.

- Ну и жрали же ее тогда, все, кому не лень! - шмыгнув носом, с восхищением и проглотив предательскую слюну, с какой-то завистью проговорил он.

- Пили, да не все, хозяйственному мужику в будни позором считалось. А о женщинах и говорить не приходится, срам-то какой, если какая-нибудь ..., - и она покачала седой головой, с жалостью поглядев на внуков, обратилась к ним, поправляя на голове платок, давая понять, что она собирается покинуть столь уютное гнездышко.

- А я вот к вам зачем приходила, мне нужно, пожалуй, от вас одно, что бы вы мне пособили. Сосед Кешка на тракторе два бревнышка из лесу к моему дому притащил, так их попилить небось надо. А бутылка у меня для вас найдется, правда начатая, Иван немножко отпил, но вам, я думаю, хватит. Она крепкая, белая, Иван, когда пил, даже морщился.

Братья обрадованно переглянулись. И в один голос ответили:

- Да мы тебе, бабуля, и без бутылки бы перепилили, а если Иван морщился, должно от спирта, то он тоже не помешает. Вы, бабушка, идите скорей домой, мы вас догоним. У нас шила - зверь ваши бревнышка погрызет вмиг, а чурки, так те в щепу измочалим, от спички загораться будут. - проговорили бравые ребята, повеселевшие, а, возможно, даже скучающие по работе.

Бабушка заранее поблагодарила внуков и ушла по заснеженной, деревенской улице к себе в избу, притаившуюся под горой и спрятанную в заиндевевшем темном саду, лишь дым столбом, высвечиваемый из трубы, показывал ей жилье. Внуки моментально заправили пилу "Дружба" бензином, наточили цепи, оделись в свои новые рабочие спецовки и потопали по скрипучему снегу, обогнали даже лошадь, тащущую за собой сани с бочкой воды, они не то что шли, они навряд ли как летели помогать любимой бабушке.

Дошедшие до желанного дома, веселые, они враз омрачились, увидев вместо маленьких бревнышек огромных размеров хлысты. Братья, мельком взглянув, прикинули в уме все детали объекта, поняли: работы было по их таксе самое малое? аж на пять пузырей. Но что делать? Бабушка-то своя. И внуки сходу стали вгрызаться в лежащие длиннющие стволы, чурки откатывались одна за одной, белый снег отмеривался кучками желтых опилок.

На помощь им выскочил из старой покосившейся хаты тепло одетый, румяный маленький двоюродный братик, который гостил у бабушки. Мальчик был рад зиме, работе, а главное, он, как и взрослые

тоже работал, относя колотые дрова в поленницу, которая быстро росла. Запахи смолы, хруст снега под ногами, карканье голодных ворон в чистом холодном небе, повеселевшее к обеду солнышко работу делали желанной, оздоравливая любой, даже вялый организм.

Но вот и кончена работа. Вспотевшие, с красными лицами, враз повеселевшие братья, собрав инструмент и отряхнув с себя опилки и снег, вошли в избу, где на столе парила в сковородке горячая картошка вперемежку с салом и колбасой. Молодые люди, помыв руки, расселись за гостеприимный стол.

Маленький мальчик с удовольствием, так как проголодался, ловко орудя вилкой, стал накалывать колбасу, которую очень любил, при этом приговаривал:

- Ох, как проголодался, ох, как проголодался!

Братьям угощение было, как говорится, по нутру, но маленький проглотил так быстро освобождал сковородку от колбасы, что ненароком их пальца нажимали на вилки, как на курки, и если бы не бабушка, то малец давно получил бы шалбан и давился бы картошкой. Но вот наконец-то старушка достала из укромного места заткнутую самодельной газетной пробкой бутылку с зельем, которую со вздохом поставила на стол.

Братья переглянулись, озноб прошел их с головы до пяток, от этого пошла, что оказалось на столь гостеприимном столе. То была корейская водка, вонючая, лет пятнадцать назад травила добрых молодцев, а тут снова этот гадкий "Сам бяк".

Но что поделаешь, когда нет лучшего, довольствуешься тем, что есть. И вот братья, морщась, разлили по стаканам ископаемую вонючку, зажмурясь, в миг опрокинули в свои жаждающие глотки импортную дрянь. Но что это? Вместо градусов оказался напиток хуже рвотного порошка.

- Бабушка, вы что, эту гадость еще и водой разбавили, зачем? - недоумевающие, они уставились на старушонку своими покрасневшими глазами. Та, как ни в чем не бывало, посмотрев умными глазками на своих внучат, назидательно промолвила:

- Это я так правильно сделала, что водой разбавила водку. Это для того, чтобы вы не напились, не стали пьяными. Вы когда напьетесь, сразу же и деретесь, вы вон лучше кушайте, смотрите, как Андрейка уплетает, а он ведь тоже с вами работал.

Отбедав, мужики собрали свой инструмент, пошли домой, в дороге обсуждая на трезвые головы бабушкино угощение, особенно, напиток, коим она их потчевала. Поэтому шли тихо и до одурения смеялись, приговаривая:

- Ну, старая, до чего додумалась! Это значит, чтобы не напились и не подрались! А пошло-то давнишнее, возможно, если у нее поискать хорошо, то и царя Николая водка найдется, разбодяженная водой.

1996 г.

НА РЫБАЛКЕ

Летний знойный день шел к закату, но теплая вода и солнце держали босоногую детвору на речке. Валька, нанырившись до разноцветных кругов в глазах, выскочил из воды. Посиневшие, трясущиеся, но веселые и смеющиеся ребятишки выжали трусики в тени и вприпрыжку побежали по домам. Широкая улица, утопающая в зелени, казалась уснувшей, и лишь дети, хлопая калитками, нарушали ее тишину.

Валька вбежал во двор. Боб, седеющий цепной пес, радостным лаем встретил его. А куры и утки с испугом бросались от озорника в разные стороны. Валька был голоден и не обращал на них никакого внимания. Он быстро проскочил в дом. А дома отец, пришедший с работы, уже собирался на рыбалку. Валька с порога звонким голосом обрадовано прокричал: "Пап, а пап, возьми меня с собой на рыбалку, помнишь, ты мне обещал".

Близко к речку он и сам ходил с удочкой, ловил гальянов, пескарей, а иногда даже серебряных чебаков. Но тут ехать на рыбалку, да еще далеко-далеко, за синие сопки, ух как хотелось Вальке.

- Ну куда я тебя возьму. Вот подрастешь, тогда..., - с досадой проговорил отец.

У Вальки к горлу подкатил комок, крепко сжатые губы стали подрагивать. И крупные слезы покатались из глаз.

- Да ты возьми его с собой, отец, - проговорила мать, - сделай парню одолжение. Посмотри, какой он у нас уже большой. А я без вас хоть в выходной отдохну.

Отец, посмотрев на свое чадо сверху вниз, улыбаясь, со вздохом проговорил: "Ладно, собирайся".

Валькиной радости не было конца. Отец шел быстро, и Валька еле поспевал за ним. Но вот они пришли на автовокзал, сели в автобус и поехали сначала по улицам зеленого города, затем выехали на большой мост, перекинутый через широкую быструю речку, текущую из-под зеленых гор. В ней сказочно отражались дома, облака и сопка с телеантенной. Обвеваемые струей свежего воздуха, пассажиры о чем-то говорили наперебой, смеялись. Лишь один Валька наблюдал, как черный асфальт впереди автобуса змеился по сопочкам. Оставленный позади город белел маленькими коробочками домов, далекая река и озера в низине отражали бескрайнюю голубизну неба.

Вскоре сопки кончились, кончился асфальт. Маленький автобус будто вспарывал дорогу, поднимая пыль, которую уносил вдаль теплый ветерок. Черные вороны нехотя взлетали с обочины дороги и садились, сгорбившись, на телеграфные столбы. На фоне зеленых полей, как острова, вставали дубовые релки, пестреющие от самой дороги цветы бескрайним ковром уходили к подножию красивых гор с чудными пологими склонами.

Из дома горы казались синими и маленькими. На самом же деле они были очень большие, подпирающие бездонные небеса. Пауты, обгоняющие автобус стоящие в воде цапли, множество взлетающих и

садящихся птиц, стада коров, деревни - все это проносилось перед глазами, как в цветном kaleidoscope. Валька был рад и счастлив, перед ним открывался новый и таинственный мир.

Но вскоре отец проговорил: "Валентин, хватит глазеть. Пошли на выход. Вон видишь, впереди мостик. Там мы и сойдем".

Не доезжая мостика, автобус остановился. Несколько рыбаков, а вместе с ними Валька и отец, сошли. Мост через речушку был деревянным. Валька забежал на мост и стал смотреть на речку, о которой всю дорогу рыбаки говорили взахлеб. Это была обыкновенная речушка, тихая, струящаяся среди высокой травы, а ее мутная вода напоминала по цвету бабушкин хлебный квас. По поверхности, заросшей водорослями, скользили водомеры, у берегов роились комары, мошка. Рыба плескалась в воде, словно кто-то невидимый бросал камни.

- Ну что? Вот мы и приехали, - проговорил отец, поправляя рюкзак по спине, - сейчас пойдем вниз по этой речке в глубь леса, где меньше рыбаков. Вон туда, видишь деревья? Надо засветло добраться до них. И отец указал на далекую релку. Валька утвердительно качнула головой, и, спустившись с откоса, они двинулись в путь по узкой тропинке. Стрекозы стаями кружились над головами, а вспугнутые кем-то дикие утки, вытянув шеи, с шумом пролетали впереди рыбаков, и сделав круг, садились в заросли травы.

Кочки вконец замучали Вальку, липкий пот застилал глаза, надоедливые оводы кусали через рубашку и сорванная ветка плохо помогала. Новые сапожки, в которых форсил Валька перед ребятами, уже казались тяжелыми, и чем меньше оставалось до места, тем больше кочек встречалось на пути. Отец оглянулся, с улыбкой посмотрев на Вальку, быстро скрылся за поворотом.

Мальчик уже не мог идти, он сел на кочку, и вместе с потом обильно полились по щекам слезы. Ему было жалко себя, и он вдруг почувствовал, что остался совершенно один. Ему почудилось, будто в большой траве ему что-то угрожает. Он было кинулся бежать, но в ближайших кустах кто-то неожиданно громко и странно загавкал.

Солнце садилось за далекие сопочки, тени от деревьев падали на Вальку и на спокойную гладь воды.

- Папка! - истошно закричал Валька. - Папка, где ты-ы-ы-ы!

- Ты что так кричишь, тут я, - услышал он невдалеке спокойный голос отца. Он быстро вытер слезы, высморкался. И как будто ничего не произошло, побежал навстречу отцу.

Тот сидел на пологом берегу заливы и вытаскивал из рюкзака рыболовные снасти. Палатка уже стояла, котелок с водой уже висел над костром. А маленький огонек лизал веточки, добираясь до дна. Валька с облегчением вздохнул. Он был на месте.

- Сын, пока я пойду расставляю снасти, сбегай вон к тем кустам и набери валежен. Раза три принеси и хватит.

Валька, натаскав сухих валежин и подложив их в ярко горевший костер, сел рядом.

Ночные птицы, хлопая крыльями, пролетали в темноте. Многочисленные звезды задумчиво смотрели на землю, некоторые из них, сорвавшись падали вниз, оставляя за собой яркий след. Надоедливые комары влетали в костер и, не заметно, сторали. А попавшая в костер сырая палка пицала, как живая, испуская дым и кипящую бурную воду. Тени от костра падали на воду и будто плясали. Свежее дуновение ветерка выкидывало из огня кучу искр. Возвратился отец. Валька подлил в котелок воды.

- Ну что, сын, не страшно без меня было? - проговорил отец, подойдя к костру. И, подкинув сушняку в костер, засмеялся.

- Ничуть, - ответил Валька гордо.

Отец заварил закипевшую воду, достал бутерброды, зелень. И под открытым ночным небом у костра два человека, маленький и большой, сели ужинать. Поужинав, рыбаки забрались в палатку и легли на мягкую постель из травы. У потушенного костра слышно было, как осмелевшие мыши попискивали, лакомясь крошками. Незаметно явь перешла в сон. Сын и отец сладко заснули. Отец громко храпел, а Валька посапывал, видя чудный сон. Когда он проснулся, отца рядом уже не было. В палатке стоял полумрак, а от примятой травы и струился непонятный, но очень приятный запах. Валька стал мечтать, как бы он жил в лесу один. И тут услышал шаги возвращающегося с рыбалки отца. Валька собрался было вылезти и посмотреть, сколько попало за ночь рыбы, как вдруг отец приостановился, и сам быстро приоткрыл полог палатки. И негромко, но властно позвал: "Валька, вставай, иди быстрее сюда. Посмотри, кто пришел на речку". Валька тихонько вылез из палатки, и озираясь по сторонам, тихо спросил: "Где?".

- Тише, вон, - отец указал пальцем в сторону реки, - видишь, это дикая коза.

И Валька увидел: невдалеке, у края песчаной отмели стояло то, что отец называл дикой козой. Это создание больше походило на маленького телячка, чем на козу. Валька хорошо знал домашних коз. Те были белые, бородатые, вечно что-то жующие, с согнутыми, как сабли рогами. И дающие вкусное молоко, от которого никогда не отказывался Валька. А тут! Мальчик рассматривал животное с большим любопытством. Дикая коза, поминутно поднимая голову, осматривалась по сторонам и, будто любуясь собой, опускала красивую головку к воде и тихо пила воду. Вся она была такая миниатюрная, на красивых тонких ножках, с милой удлиненной мордашкой, овальными стоячими ушками, коротеньким хвостиком. Она сразу же полюбила Вальку. У него заблестели глаза.

- А давай ее поймем, пап, - громко сказал Валька. От неожиданности коза встрепенулась, а выкинув из-под копыт радужные брызги, мгновенно перепрыгнула через речку на другой берег. Валька,

как замороженный, остался стоять на месте.

- Что ж ты ее напугал, - проговорил отец.

- А поймать мы бы ее все равно не поймали. Это, во-первых, а во-вторых, у нее же есть маленькие козлятки, они без матери пропадут. Подумай, вот если тебя одного здесь оставить...?

Валька, вспомнив, как он вчера отстал от отца, поежился, словно от холода.

- А почему ты не взял меня с собой на реку рано утром? - спросил он, почесывая облупившийся носик.

- Ладно, сын, не горюй. Еще успеешь, - ответил отец и, указывая на рюкзак, проговорил: "Посмотри, сколько там рыбы".

Валька приоткрыл рюкзак - щуки, сомы и караси, еще живые, трепыхались в нем.

Рыбалка явно удалась.

1976 г.



ПОВАР

Если Вы не служили в армии, то, возможно, не пробовали тех деликатесов, которые готовят там повара. Вы только посмотрите на юношей, возмужавших на службе? Не на последнем здесь месте заслуга поваров. В армии хороший повар роднее замполита. Он накормит, а не наболтает с три короба. Байкин учился на повара усердно, сам уже мог готовить, но ему пока самостоятельно работать не доверяли, с ним в смене находились более опытные напарники.

В тот день, ясный с утра, хороший, Байкин ничего не ожидал плохого. Наоборот, пришло письмо от невесты, и он был на высоте, но на какой? Из письма узнал, что выходит она замуж за его друга и одноклассника, который теперь учится в институте на втором курсе. В письме она извинялась, и он далее прочитал: "Ты, миленький, должен простить меня разнесчастную и горемыку эдакую".

На нее Байкин сначала разозлился. Рыдать, вешаться или стреляться, как эта делали и будут делать некоторые недоумки, он не стал. Он посмотрел на свои хромовые, блестящие дембельские сапоги и задумался.

- Как никак всё же с пятого класса по сараям и подворотням вместе слонявшись, все родинки пересчитал на теле, а тут любовь к этому слизняку сопливному, инженершкее еще недоделанному. На его жизнь красоток хватит, а с этой профурой пусть дружок теперь до окончания века своего шоркается. Хрен с ними! Жизнь только начинается, все ещё впереди! Такими рассуждениями он успокоил себя. Затем быстро переоделся в белый халат, примерил поварской колпак и вышел в варочный цех. Кафельный пол после уборки еще полностью не просох, через большие

окна солнечные лучи проникали в зал и, отражаясь от многочисленных лужид, светились весёлыми зайчиками, исподволь поднимая настроение. Напарник его, тоже молодой, поэтому худой ещё повар, по прозвищу Зелёнка, которую он получил от усердия медбрата, тот в свое время его мазал ею, то есть лечил. У горячей плиты мокрый, как мышь, пережаривал лук, помешивая, доводил до готовности, от лука аппетитно расходились по кухне запахи, и те, выносимые при помощи вентилятора из кухни, невидимые, витали по воинской части, напоминая служивым об обеде. Байкин, как заправский повар, уже знал: готовить на обед надо рассольник, кашу и компот.

Если кто ел рассольник, тот знает, что вместе с мясом, картошкой и солеными огурцами варят крупу, обычно шпатель, то есть перловку.

Байкин с деловым видом заглянул в котлы, увидел, что картошка с огурцами уже варилась, а крупы он почему то не увидел.

Он подумал: "Это же непорядок. Она варится дольше картошки".

И он, войдя в склад, взяв мешочек с крупой, вернувшись в варочный цех и подойдя к котлу с рассольником, стал высыпать содержимое в кипящее варево.

Спокойно до этого стоявший у плиты напарник вдруг закричал.

- Ты что делаешь?

- Что!? Что!? Сыпю! Не видишь, что ли? - проговорил Байкин, делая свое дело с невозмутимым видом.

- Ты все высыпал? - вновь вскрикнул Зелёнка.

Круглые зеленоватые глаза, смотревшие из под белесых ресниц на худом прищеватом личике, глядели на Байкова с испугом и недоумением. словно тот не крупу сыпал в котел, а его самого запихал туда.

- Да все, все! Тебя что, заело что ли? Повторяешь одно по единому, словно дятел долбишь по дереву, - проговорил Байкин, потиравая мешочком, чтобы вся крупа, до единой крупинки нашла свое место в котле.

- Ты же крупу, которая предназначалась на кашу высыпал в рассольник, - тихо, чуть не плача, пролепетал напарник, при этом губы у него тряслись и весь он был, как перед казнью.

- Что? - вскричал Байкин, и пот прошиб его с головы до пяток.

Дежурный по кухне, сержант Винарский, от природы веселый и поэтому всегда улыбающийся, войдя в варочный цех, проговорил:

- Что за шум, а драки нет!

- Да..., я крупу, что на кашу приготовили, по запарке в рассольник всю высыпал. Теперь, наверное, ее придется потихоньку сверху собрать и в соседний котел пересыпать и варить там кашу, - почесывая затылок, пробормотал Байкин, виновато смотря на сержанта.

Тот перестал смеяться, улыбаться, посмотрел по сторонам, будто сказали не ему, почему то смущался, выражение лица стало задумчивым, почесывая себя за ухом, с надеждой спросил:

- А что, разве получится?

С плаца доносились строевые песни, солдаты маршировали перед обедом, нагоняя аппетит. Дежурный по части и медбрат уже поглядывали на часы, готовились идти снимать пробу с обеда, который готовил новый повар.

А пока Байкин взял большую разводягу и вытащил ее из котла, она доверху была наполнена той крупой, которую он туда сыпал.

- Вот видите! - сказал он удовлетворенный, в его глазах проснулась надежда, - сейчас ее сверху соберем, всего-то четыре черпака надо, и дело будет в шляпе.

- Сам ты шляпа, - пробубнил Зелёнка, немного придя в себя.

Его голова, подстриженная под нуль, выказывала такие большие уши, что ненароком закрадывалась у Байкина мысль: "Это его в детстве за уши учителя да и все, кому не лень, таскали".

Сержант Винарский с надеждой смотрел на фокусы новоявленного повара. Тот черпаком шарил в котле усердно, даже потел, собрав еще немного крупы, но она уже была вперемежку с картошкой и огурцами. Байкин и тут нашелся, крикнув Зелёнке:

- Что стоишь? Тащи ложку быстрее, сейчас будем откидывать ненужное.

Зелёнка понурый, принеся ложку и подав Байкину, пробормотал: "Ненужное, ненужное, сегодня тебе большое спасибо скажут на свинарнике, все свиньи Финюка".

- Иди отсюда, не мешай работать! - вскричал Байкин, который был в своем амбула. При этом он вручил разводягу дежурному по кухне Винарскому и тот с усердием, присущим аккуратным людям, собирал старательно сверху в бурлящем котле крупу с примесями. Затем он вытаскивал и держал над котлом, пока Байкин ложкой не отфильтровывал, то есть не откидывал обратно огурцы и картошку, а затем, только по знаку этого повара, выливал содержимое в соседний котел, где варилось, если это варево можно назвать по научному, то каша. Но так, как в котле все бурлило и перемешалось, то в разводяге был настоящий каламбур. Байкин с досадой забрал разводягу у неумехи Винарского и стал сам собирать крупу сверху и переливать в соседний котел. Зелёнка с дежурным по кухне, с недоумением глядя на работу повара эстракласс, спросил у того:

- В каком котле теперь будет каша, а в каком рассольник?

На что Байкин, прищурив глаз и вытирая пот со лба, невозмутимо ответил:

- Где гуще - там каша, а где жиже - там рассольник.

От такого пояснения у Зелёнки появилась икота, а у дежурного по кухне левая бровь произвольно задергалась, он опять смущался, словно ожидая сверху удара по голове. Но тут в раздаточном окне появилась физиономия медбрата.

- Ну как, обед готов? Повар, давай потчевай, а то ненароком

своими же слюнями захлебнись, - проговорил он, при этом тоненькие холеные усики на его веселом лице красноречивей всего говорили, что службой он доволен.

- Да, да! - с готовностью ответил Байкин и стал накладывать ему пожизненно рассольник, погуше, соответственно откинув огурцы и картошку, кашу. Дежурный по части младший лейтенант Полушкин, худенький, перепоясанный портупеей, с повязкой на рукаве, через очки внимательно смотрел на повара и ждал своей пайки, которую должен был получить, отведать и тоже записать в журнал о том, что пища съедобна, тем самым дать разрешение на употребление этих яств всему личному составу батальона. А пока за манипуляциями повара наблюдали Винарский и Зеленка, соображая, что им делать дальше, как быть? Их ведь тоже по головке не погладят. Ладно, этих накормить не проблема, а вот как будет с кормежкой всего батальона. И ничего утешительного они не видели, а потому и пошли в поварскую комнату перекурить и успокоиться. Байкин, соображая о последствиях, надежды на благополучный исход не терял. И тут его путанные мысли прервал вошедший на кухню, почему-то худой, правда высокий и белообрый, в замусоленном мундире, всегда чем-то недовольный и крикливый заведующий столовой старшина Чеботарев. Ему, в данный момент, обрадованный Байкин, как из пулемета, выпалил о том, что каша с рассольником в одном котле сварены и вот теперь поделены по двум котлам, что дальше делать?

Старшина Чеботарев, так и не успев рта открыть, будто и не ему докладывали, круто развернувшись, если так можно сравнить, то птицей вылетел из вверенной ему столовой.

Покурившие дежурный по кухне и Зеленка вошли в варочный цех тогда, когда снявший пробу и сытый медбрат, в поварской книге делая свою отметку, сказал Байкину:

- Сварено нормально, но чуток можно было и досолить, - и вытерев носовым платочком губы, вздохнув от безделья, проговорил далее: "Мне б твои заботы, дружище! Пока, до вечера. И тихо, с достоинством независимого человека, сытый, он пошел к себе в амбулаторию, отдыхать. Зеленка, этот неутомимый ушастик, и тут съязвил:

- Про заботы не знаю, но за такой обед не только досолят, но и наперчат кое-кому и кое-где и как следует.

А тут роты, возвращаясь с плаца, под командованием старшин направившись в столовую, пели:

- Связисты мы, под силу нам задачи,

Прощить морзянкой небо, море, высь

И на эмблемах наших не иначе

Две грозные молнии сплелись.

У открытых дверей столовой их ждал дежурный по части.

Впереди первой роты шли самые высокие и поэтому здоровые детины сержанта Король, Парамонов. Они те своим ростом за два с лишним метра тянули аж на две пайки. Но не это сейчас заботило

наблюдавших из кухни на марширующих воинов, которые шли печатая шаг, как на параде, приближаясь к столовой.

От этой незапланированной психической атаки вся кухонная прислуга, включая сюда Зеленку и дежурного по кухне, позорно бежали, оставив Байкина один на один с голодной толпой, имеющей к тому же волчий аппетит. Повар оглянулся, но цех был пуст.

- Труссы, во трусы! Дезертиры поганые! - осуждающе проговорил Байкин, сжал зубы со злости.

- А впрочем, сам заварил кашу, самому ее расхлебывать, наверное, эта поговорка пошла от такого же повара - растяпы, - он тяжело вздохнул и стал подавать бачки с рассольником и кашей дежурным.

Заполнившие зал воины со зверским аппетитом, в момент опустошили чашки с рассольником, принялись за кашу. Что тут началось? До этого момента улетающая обед публика стала вдруг возмущаться, ругаться матерно, словно перепившиеся в ресторане. Из разных углов зала слышались выкрики.

Заорали возмущенные голоса:

- В каше картофельные очистки, и даже огурцы!

То тут, то там стали плевать и вести себя некультурно.

- Ишь, гурманы нашлись, подавай им деликатесы, - с досадой подумал Байкин.

- Кто это умудрился помоями нас накормить?

Вдруг у всего доблестного воинства проявился интерес к повару, который этот "деликатес" им сварганил.

Байкин как мог, так и парировал нападки недовольной братии, объясняя, что получилось нечаянно и в следующий раз этого не повторится. Воины с возмущением кричали:

- Не хватало нам еще следующего раза, убирайся немедленно из кухни! Скажи спасибо, что ты единственный хороший парикмахер на весь батальон, а так бы тебя в котел головой засунули.

А старшина роты Чехун, так тот язвительно проговорил:

- Вот вернешься в роту, полы будешь драить за такой обед.

На шум в зал заскочил дежурный по части и, узнав в чем дело, засуетился, а чтобы снять с себя ответственность за пробу, срочно побежал первым к командиру докладывать о беспорядке, благо, что тот стоял невдалеке, на перекрестке дорог в окружении свиты, состоящей из офицеров.

Командир подполковник Попов, начавший службу еще мальчишкой в окопах под Сталинградом, затем прошедший поверженный Берлин, теперь дослуживал до пенсии, но был еще в первых рядах защитников Родины.

Солдаты его уважали за прямоту, мудрость, широту души, даже когда он наказывал, на него не обижались, а промеж себя уважительно называли батей.

Батя, выслушав доклад дежурного по части, подумал.

- Байкин, Байкин. Где только он не был за год службы, теперь

вот и до кухни добрался. Хороший солдат, конечно, он это сделал не нарочно, но надо с ним разобраться.

Обратясь к Полушкину, он проговорил:

- Товарищ лейтенант, позовите Байкина ко мне и немедленно, вы что себе позволяете, так весь батальон отравить можно!

Младший лейтенант Полушкин, развернувшись на месте, быстро засеменил в столовую, думая на ходу:

- И все из-за какого-то Байкина, попасть в немилость к начальству, а служить-то еще как медному котелку, и надо же в мое дежурство этому случиться, итишкина мать!

Роты, отобедав, стали выходить и строиться около столовой, затем проходя мимо перекрестка, на котором стоял Батя, отдавали ему честь и шли, кто на занятия, кто в караул, а кто куда то. Лишь один Байкин, почесывая затылок, был доволен и думал: "Вроде пронесло, и не так страшен черт, как его малюют, а эти дезертиры...? Тоже мне вояки, особенно Зеленка, весь обслонявился, как мопс какой. Как вдруг в варочный цех быстро вбежал взмыленный дежурный по части младший лейтенант Полушкин, зарочник юридического института, прозванный солдатами за это китайским милиционером, глядя на Байкина с прищуром, прокричал:

- Рядовой Байкин! Немедленно идите! Вас подполковник Попов к себе вызывает.

- Эх, милиционер, и тут уже успел насексотить, а кричишь, что петух кукарекает, - подумал повар и, переодевшись, пошел к бате.

- Подойдя к подполковнику он доложил о том, что явился - не запыхавшись. Батя не стал ругать за обед, лишь спросил:

- Мне доложили, что вместо положенного по раскладке, на обед почему-то сварили черт знает что! Как такое могло случиться? Вы что пьяный были? Так нет! Я вижу, что трезвый! Ведь вам за отличную учебу в экипаже я сам лично отпуск объявил! А вы каким-то образом в поара затесались, чтобы этот отпуск там потерять?

Байкин невесело ответил:

- Зачем мне теперь отпуск, когда невеста замуж за другого выходит, письмо сегодня получил.

- Как так? Чуть какая-то, неужели дожидаться не может такого геройского парня, - и, обратясь к начальнику штаба, майору Беленикину, проговорил, - Владимир Ильич, немедленно подготовьте на него документы и отправьте его в отпуск немедленно! Хватит с меня сержанта Лозуткина, у того тоже невеста, еле из петли вытащили, что за срам на себя руки накладывать? На фронте каждый не только выжить хотел, но и других защищал, а тут Аникины-воины в мирное то время слюни пораспускали. Радоваться должны, что вовремя избавились от неверных баб. У меня жена, как ушел служить в 38 году, фронт, затем загнали..., одним словом, десять лет ждала. Да что меня, других больше ждали. А вдовы..., они своих мужей до сих пор ждут. Низкий им поклон. Рядовой Байкин

идите, свой отпуск достойно проведите.

- Есть! - обрадовано проговорил служивый и, развернувшись на месте, строевым шагом потопал в роту. Старшина роты Чехун уже ждал Байкина и думал: "Какое наказание ему Батя влепил?". Тот, войдя в казарму, доложил старшине, что едет домой в отпуск. Старшина опешил, а затем, махнув рукой, проговорил:

- Ну, Байкин, ты еврей, настоящий еврею! Из любого положения всегда выкручиваешься, - и покрутив свой смоляной ус, сказал ухмыляющемуся, здоровому угловатому капптердику: "Выдай ему парадку, нехай до хаты идэ".

1979 г.



НАПУГАЛИ

Что такое черемша, наверное, все знают, а вот как за ней ходить и где она растет - навряд ли.

Мне как-то сказали, что не стоит идти в такую даль, можно и ближе нарвать, она рядом растет. Послушав советы, я налегке решил проверить то место и, сказав ребятам, чтобы шли на старую деляну, сам стал искать новую. И отправился туда, куда мне указали доброжелатели.

Солнце склонилось к закату, и времени на поиски у меня было немного. Я шел по тающей зимней дороге, перескакивая промоины, дошел до барака лесорубов, за ним, за увалом, по ручью, по словам очевидцев, должна была расти черемша. Передохнув в бараке и поснимав с себя клещей, я отправился дальше. Взобрался на увал и обследовал один, затем другой, третий увалы с ручьями и, не найдя черемши, решил возвращаться к ребятам, так как время поджимало. Солнце неумолимо двигалось на покой, а ночью по тайге ходить не просто, да и нельзя, так как можно пораниться, думал я, поспешая на стан...

И вот я очутился среди огромных кедрачей, растущих по склону хребта, и застыл от изумления: вид открылся, словно с картины Шишкина. Тут увидел впереди себя нет, не медведей, а безобидных и очень пугливых зверей: пузатую изюбриху и около нее быка. Я думал, что звери, увидев меня, испугаются и моментально скроются в чаще. Но, к моему изумлению, изюбриха, как мне показалось, окинула меня презрительным взглядом, словно увидела не человека-хозяина, а зайку-запайку. Изюбр же, так тот, даже наклоня голову, как козел какой, двинулся в мою сторону, словно жалея забодать.

Я подумал, что придется лезть на кедр, но бык, не добежав метров пятнадцать-двадцать, вдруг замер на месте и ... вернулся к самке, которая продолжала потихоньку спускаться по склону вниз, к ручью. Подождав, когда эта пара скроется, я поспешил тоже вниз, в сторону стана, но не тут-то было, изюбры словно поджидали меня. Если

сокращалась дистанция между нами, то изюбр своим движением восстанавливал ее, поэтому мне пришлось спускаться с увала около получаса, так как вынужден был плестись за ними со скоростью улитки до тех пор, пока наши пути не разошлись.

Ох, как я был поначалу зол на эту пару, особенно на изюбра. С досады я пообещал при удобном случае съесть его, даже с потрохами, но потом я по-другому оценил этих безобидных животных, которые были хозяевами в этих местах, а я пришлый, да еще и без ружья. Без ружья и изюбрам люди не страшны. Они, как говорится, на них "плевать хотели".

Зверь человека не боится, человек же зверя - да. Хозяйственные изюбры мне это напомнили.



ДРУЖИННИК

Его одутловатое лицо давно не покидал гастрономический загар. Глаза, нос откровенно говорили о приверженности к Бахусу. Но так как на работу он приходил постоянно, за работу ему платили, он считался нормальным человеком - не бичом.

Работал он грузчиком, а у этой братии заведено: брать больше, нести дальше, а когда порожняком идешь - отдыхаешь. Здоровья у грузчиков хоть отбавляй, поэтому их с охотой брали в дружинники.

Санек, его все друзья так звали, тоже был записан в дружинники, а раз так, то и дежурил он два раза в месяц после работы, за что получал оплачиваемые к отпуску дни.

К темно-синему костюму, отглаженному еще из магазина, из-под которого выглядывала модная красная кримпленовая рубашка, дополнялся прикрепленный Санькой на лацкан костюма знак, на котором золотом отчеканено "Дружинник".

- Это вам не халя-баля - это власть! - так думал Санек, одеваясь по парадному, собираясь на очередное дежурство и смотрясь в зеркало. Из зеркала на него глядел он, молодой мужчина, имеющий длинный волос и тем самым походивший на великого артиста и певца Боярского. Саньку об этом не раз напоминали. Бывает, подражая Боярскому, Санек начинал петь. Соседи по бараку знали, что он дошел до кондиции, даже дворняжки подвывали ему. Поэтому сосед Иван ходил наводить порядок к Саньку и по прошествии получаса из квартиры холостяка уже редела другая песня, про Стеньку Разина или еще в этом репертуаре.

Санек, одевшись как "министр", соседка тетя Фрося так говорила, пошел в опорный пункт милиции на дежурство. Там парторг, он же и командир народной дружины предприятия, их считал, пересчитывал, записывал, распределяя повязки и всем, особенно Саньку с его бригадиром говорил: "Чтобы пи-ни!". Это "пи-ни" для Санька означало, чтобы не напиться за время дежурства. К сожалению, такие случаи бывали, и парторг уже за это имел "нахлобучку" от вышестоящего начальства.

Итак, дежурство началось с того, что все мужчины и женщины распределились, вернее сказать, разбрелись по несколько человек патрулировать по центральной улице небольшого городка, там, где магазины и кинотеатр, где освещено.

Дежурство в дружине - это еще один повод с друзьями немножко выпить. Санек на эти цели всегда имел курок, а про парторга подумал: парторгу девки, они трезвые, повязки принесут, а тот перед участковым отчитается, вздохнет и до следующего дежурства свободен. Санек умный кое-когда и мужики к нему прислушивались.

- Для понта прошвырнемся по городу, возьмем пойло и в парке, там в кустах, "Солнцедар" и раздадим.

Выпив "Солнцедар" и повеселев, компания дружинников чинно, без ругани вернулась в город. И тут возле "Гастронома" к Саньку привязался бригадир его бригады и проговорил:

- Санек, у тебя что за причесуха, ты более на шлюху похож, чем на мужика. Тебе того... пока есть "шевелюшки", надо чуть-чуть подстричься. И того, Санек, без обиды.

Он посмотрел на него покровительственно и даже обнял дружески за плечи. Санек уважал бригадира, тот хоть и бывший офицер, но свой в доску.

И вот компания вместе с Саньком, не долго думая, пошла в парикмахерскую. Подвыпившие ребята держались молодцом, они своего Саньку без очереди протолкнули, а как же еще? Такое дело затем наскоро обмыть полагалось!

Санек плюхнулся в кресло. Парикмахер Фима, худенький, рыжий человек в годах, был мастером своего дела и обходителен с клиентами, но пьяных стричь не любил, хотя они ему хорошие чаевые подкидывали. А этот заросший мужик был еще и дружинник, знак так и горел на лацкане его пиджака, вызывая у Фимы еще большую неприязнь к этому человеку. Фима, хоть и был фронтовик, но награды свои носил на День Победы.

- А этот нахал нацепил на себя бляху, надулся, как индок и представляет из себя короля, - так думал парикмахер, глядя на клиента. Санек, развалясь в кресле, с презрением глядя на Фиму, ткнув пальцем в свою бляху, на которой выбито "дружинник", проговорил:

- Ты видишь, кого стричь будешь? То-то! Отлично постриги, а то я тебя того! - и он гордо посмотрел на дверь, где толпились его собутыльники.

- Вы уж знаете нашего Фиму, у него за фронт даже ордена имеются, а тут какой-то сопляк, прости, господи, за выражение, ему такие фордачки загнул, - неодобрительно посмотрев на Саньку, проговорила тетя Фира своей подруге, тоже парикмахерше.

Парикмахер - это одно. А Фима-парикмахер - это другое. Ругаться он не стал, а стал стричь. Фима в один момент и так хорошо облованил Саньку, что тот стал похож на другого артиста, не менее

известного, чем Боярский. Даже взгляд и тот был Крамарова. Удивленный и остриженный под нуль Санек стал ругаться:

- Ты как меня подстриг!

На что ему дядя Фима сказал:

- Вы, молодой человек, тут не кричите, вы не в роддоме, не рожаете, ведите себя пристойно! Попросили хорошо постричь, а я разве плохо постриг? Не одной волосинки на вашей голове нет, если только побрить. Платите в кассу 10 копеек и идите домой, а то 15 суток схлопочете. И вдруг дядю Фиму-фронтовика прорвало и он зарычал: "Пьяный сюда пришел! Дружинник командует мной. У вас в милиции пьяных не лучше стригут, зато больше дерут. Иди отсюда! Иди!"

- Заберите его по-хорошему, - крикнул он друзьям Санька.

Те, взяв было сопротивляющегося Санька, увели его от греха подальше.

Санек от ярости готов был растерзать дядю Фиму, но его вывели на улицу, он стал ругаться, грозить: "Да я этого..!"

На что бригадир, бывший офицер, сказал ему:

- Ты не ругай Фиму, он правильно тебя подстриг, ты теперь на настоящего мужика похож. Ты на меня посмотри. Я вообще лысый, только вот под носом и растет, - и он погладил свои усики, - и далее заруби себе на носу: Фима с самим Рокоссовским в войну фашистов бил, как-нибудь в буфет зайди, он тебе за стакачиком вина расскажет. И, обняв успокоившегося Санька за плечи, с улыбкой сказал:

- А волос новый отрастет, еще лучше будет.

И, обратясь ко всем дружинникам, командирским поставленным голосом сказал: "Собираем повязки, девчата идут, им их надо отдать, на сегодня отдежурили".

1979 г.



КОВРЫ

Пришедшая с работы жена застала в доме настоящую попойку, устроенную ее незабвенным суженым. На столе, в бутылках, в рюмках была не допита водка, а дорогие гости, собутельники мужа, да и сам муж были уже навеселе и, как говорится, "на рогах".

Их пьяный гвалт слышен был далеко, даже на лестничной площадке, а поэтому, а может, потому, что компания с удовольствием слокала продукты, которые предназначались для семьи, хозяйственная и экономная женщина, не разобравшись в сути происходящего, стала с порога браниться так усердно, что даже рупор ей не понадобился. От такого поставленного командирского голоса уже уснувший за столом гость Гошка, очумелый, открыв своим глаза, прогундосил, икая:

- Пожар? Горим? Да?

- Да! Да! Пожар! Быстрее спасайся, пока двери открыты! - съязвила уставшая после трудового дня молодая, даже в гневе красивая, женщина.

Петька, ее родной муж, а поэтому пока первый и единственный, от выступления жены был вне себя. Он сидел за столом, по-богатырски здоровый, мускулы под рубашкой так и играли, положенные на стол пудовые кулаки зажали накрепко вилаку и ножик, которыми он усердно работал до прихода жены.

При этом он скрипел зубами и издавал угрожающие звуки, словно пойманная касатка на удочку. Друзья от такого поворота судьбы в секунду оделись, кто сумел, опрокинул на посолошок, и в момент гурьбой вымелись из столь гостеприимной квартиры.

Концерт только начинался, а участницей финала Петькина жена не пожелала быть: в мгновение ока, как на пожаре, она собрала детей, двух симпатичных девочек и ретировалась к подруге, решив вернуться, когда муж остынет, то есть протрезвеет.

Но пока сказка сказывается, дело делается. Здоровый, как бык, Петька решил уйти от жены насовсем. Он обиженный на свою уже бывшую, так сказать, ненаглядную, смахнул рукой скупые мужские слезы и принялся за дело. Сняв со стен два ковра, он смотал их и по-хозяйски связал шпагатом. Затем, взгромоздив на себя внушительную поклажу, пошел к себе на дачу, которая находилась на поселке, в километре от дома.

Идя по ночному городу, Петюнчик, так мама его называла в детстве, словно Геракл бревна, нес ковры. Проезжавшие мимо милиционеры, увидев его, богатыря, даже остановились, вышли из машины и стали вежливо расспрашивать и в оконцовке предложили даже свои услуги, от которых, правда, он отказывался, но потом, бесплатно же поехал. Правда, привезли его, не туда, куда он хотел, и не к другу, а в милицию, в отделение к дежурному до выяснения.

Дежурный в чине ефрейтора, внимательно выслушав мучительный рассказ Пети, распорядился, чтобы привезли хозяйку этих вешдокон. И, не теряя времени, как говорят у нас, стал шить дело не на шутку неретрусившему герою, который вот так, нос к носу встретился, как он говорил потом, с "ментами" впервые.

Вскоре приехавшая Петрухина пока еще жена, войдя в дежурку и увидев своего жалкого мужа, расплакалась, словно на похоронах.

Дежурный ефрейтор, спросил заплаканную, несчастную женщину:

- Это ваши ковры, гражданочка?

- Да! - ответила обрадованная женщина, увидев свое богатство и целостности и сохранности.

- Ну тогда ребята по пути заберут их вам. А этого вора увести до суда, пусть немного отдохнет от дел праведных. - приказал дежурный.

- Нет! Нет! А как же муж, он же вор! - выкрикнула испуганная женщина и опять зарыдала. Петюнчик сбил скупую мужицкую слезу с

глаз и подумал:

- Какой я болван, такую женщину бросить? Это надо быть евнухом и по-зверски ненавидеть себя.

Дежурный, посмотрев на эту семейную идилию, проговорил, назидательно строго глядя на них:

- Идите и больше сюда не попадайте, да нас от работы не отвлекайте, настоящих бандитов и воров без вас хватает. Да ковры, смотрите не забудьте, домой в целости и сохранности доставьте.

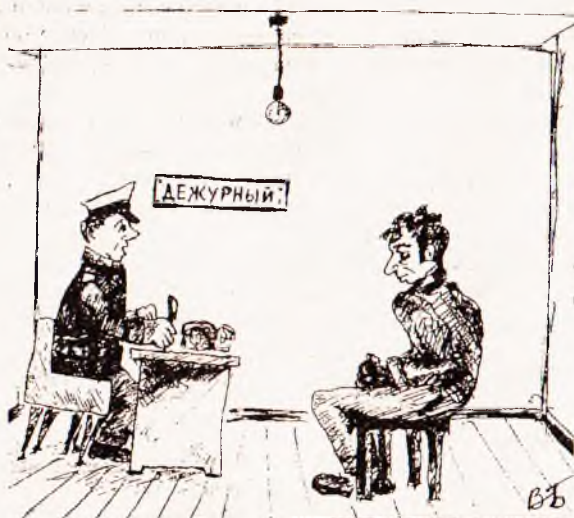
Петя шел домой и поклажа ему была не в тягость. Он был рад, что рядом с ним его жена, которую он всегда по-зверски любил, а себя в данный момент по-зверски бранил.

Даже "ментам" он был рад в данный момент, потому что они хоть таким способом, но помогли воссоединению его дружной семьи.

Как вдруг проезжавшая мимо машина резко затормозила, и из нее повыскакивали натренированные милиционеры, и опять двадцать пять, стали расспрашивать, откуда да куда. Пока влюбленные дошли до своего пьездышка, ими три раза интересовалось недремлющее око общественного порядка.

Еще идя по дороге, Петюнчик зарекся, больше ночами никакие громоздкие предметы не таскать, не то, как показала жизнь, самого утащат кое-куда. Далее, дома не браниться, с такой женой жить да веселиться.

1996 г.



Содержание

ЭКЗАМЕНЫ	3
НАГРАДА	4
КАЧАЯ ГОЛОВОЙ	6
ШУТНИК	15
ПЕТУХИ	16
БУРУНДУЧОК И МУХОЛОВОЧКА	19
КОРОВА В АВТОБУСЕ	20
ДОБРЫЙ МУЖИК	23
ОХОТА НА КРЫС	25
ВЕЩИ	28
ШАЛУНИШКА	28
КУ-КУПАЛСЯ	31
ЧУДИЩЕ	33
ШУБКА	35
ЖИСТЬ ПОЛОМАТАЯ	38
ОПОХМЕЛИЛИСЬ	47
НА РЫБАЛКЕ	50
ПОВАР	53
НАПУГАЛИ	59
ДРУЖИННИК	60
КОВРЫ	62

БАДНИКОВ Владимир Иванович

И смех и слезы

Сборник рассказов I

Редакторы: И. Филиппкина, Л. Чебурова

Корректор В. В. Степанян

Подписано в печать 1996 г.

Заказ № 189

Усл.печ.л 4,25

Отпечатано в Биробиджанском госпединституте

г. Биробиджан, ул. Широкая 70-а, т. 4-01-46